

Николай Добролюбов

Из «Свистка»

Николай Александрович Добролюбов

Из «Свистка»

Созданный по инициативе Некрасова, «Свисток» был поистине детищем Добролюбова. Большинство материалов, помещенных здесь при жизни критика, принадлежало ему, в том числе почти все наиболее социально значительные и острые выступления. «Свисток» обнаружил новые грани яркого писательского дарования Добролюбова, который предстал здесь выдающимся мастером революционной сатиры, с блеском владевшим различными сатирическими жанрами – стихотворной пародии и перепева, фельетона, памфлета. Вместе с тем это было – в иных формах и частично на другом материале – продолжение, закрепление и развитие тех же идей и оценок, которые несла в себе добролюбовская критика. Уже одно это поразительное единство критики, публицистики и поэзии делают творчество Добролюбова уникальным явлением в истории русской литературы.

Содержание

№ 1	0006
Вступление	0006
Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»	0009
№ 2	0015
Краткое объяснение	0015
Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»	0017
Четыре времени года	0019
Письмо из провинции	0024
№ 3	0045
Раскаяние Конрада Лилиеншвагера	0045
Мое обращение	0046
Из цикла «Опыты австрийских стихотворений» Соч. Якова Хама	0047
№ 4	0051
Из фельетона «Наука и свистопляска, или Как аукнется, так и откликнется»	0051
Три стихотворения Конрада Лилиеншвагера	0055
№ 5	0061
Опыт отучения людей от пищи	0061
Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию	0119
№ 6	0138

Письмо благонамеренного француза о необходимости посылки французских войск в Рим и далее для восстановления порядка в Италии	0138
Из цикла «Неаполитанские стихотворения» . . . 0171	
№ 8	0182
«Свисток» Ad se ipsum	0182
Примечания	0186

**Николай Александрович
Добролюбов
Из «Свистка»**

Вступление

Различные бывают свисты: свистит аквилон (северный ветер), проносясь по полям и дубравам; свистит соловей, сидя на ветке и любуясь красотами творения; свистит хлыстик, когда им сильно взмахиваешь по воздуху; свистит благонравный юноша в знак сердечного удовольствия; свистит городской на улице, когда того требует общественное благо... Спешим предупредить читателей, что мы из всех многообразных родов свиста имеем преимущественную претензию только на два: юношеский и соловьиный. Свист аквилона, конечно, имеет свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубом взвевая прах летучий{1}, сей ветер своим свистом приводит душу в трепет и благоговение. Но монополия аквилонного свиста давно уже приобретена г. Байбородю, которого изобличительные письма, говорят, вырывают дубы с корнями{2}. Мы не чувствуем в себе столь ве-

ликих сил, и наши стремления гораздо умереннее. Свист хлыста и бича тоже недурен; но он как-то мало ласкает наш слух, мы не хотим брать на него привилегию, брошенную недавно самим князем Черкасским, который пожелал было приобрести ее на неопределенное время для себя и своего потомства{3}. Приятнее звучит для нас свист городского; но мы, по природной застенчивости, считаем себя не вправе предъявлять претензию на то, для чего уже существует установленная городская власть. Совершенно другое дело – свист благонравного юноши, почтительный, умеренный и означающий кроткое расположение духа, хотя в то же время несколько игривый. На такой свист мы имеем полное право, потому что, во-первых, мы благонравны; во-вторых, если мы и не юноши, то кому какое дело до наших лет? и в-третьих, мы всегда находимся в отличнейшем расположении духа. Свист соловья также нам очень приличен, ибо хотя мы, в сущности, и не соловьи, но красотами творения любим наслаждаться. Притом же соловей в истинном своем значении есть не что иное, как подобие поэта, так

как давно уже сказано:

Соловей, как Щербина, поет.

А у нас в природе весьма много поэтических элементов, вследствие чего мы и видим весь мир в розовом свете. Итак – читателю да будет известно, что мы свистим не по злобе или негодованию, не для хулы или осмеяния, а единственно от избытка чувств; от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольства всем на свете. Наш свист есть соловьиная трель радости, любви и тихого восторга, юношеская песнь мира, спокойствия и светлого наслаждения всем прекрасным и возвышенным.

Итак – наша задача состоит в том, чтобы отвечать кротким и умиленным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в литературе. Преимущественно литература занимает и будет занимать нас, так как ее современные деятели представляют в своих произведениях неисчерпаемое море прекрасного и благородного. Они водворяют, так сказать, вечную весну в нашей читающей публике, и мы можем безопасно, сидя на ветке об-

щественных вопросов, наслаждаться красотами их творений...

И первый, благодарный свист наш да раздастся в честь поэтов, прославляющих ныне русскую землю. То свищет недавно прославленный, исполненный благородства поэт Конрад Лилиеншвагер{4}.

Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»

2

Всегда и везде

(Посвящается гг. Надимову, Волкову, Фролову, Фолянскому и подобным){5}

*Я видел муху в паутине —
Паук несчастную сосал;
И вспомнил я о господине,
Который с бедных взятки брал.*

*Я видел червя на малине —
Обвил он ягоду кругом;
И вспомнил я о господине,
На взятки выстроившем дом.*

Я видел ручеек в долине —

*Виясь коварно, он журчал;
И вспомнил я о господине,
Который криво суд свершал.*

*Я видел деву на картине —
Совсем нага она была;
И вспомнил я о господине,
Что обирал истцов дотла.*

*Я видел даму в кринолине —
Ей ветер платье поддувал;
И вспомнил я о господине,
Что подсудимых надувал.*

*Я видел Фридберг в «Катарине»{6}
—
Дивился я ее ногам;
И вспоминал о господине,
Дающем ложный ход делам.*

*В салоне молодой графини
Я слышал речи про добро;
И вспоминал о господине,
Что делом фальшит за серебро.*

*Лягушку ль видел я в трясине,
В театре ль ряд прелестных лиц,
Шмеля ли зрел на георгине,*

Иль офицеров вокруг девиц, —

*Везде, в столице и в пустыне,
И на земле и на воде, —
Я вспоминал о господине,
Берущем взятки на суде!..*

4

Чувство законности{7}

Вот вам новый предмет обличения.

*Избегал он доселе сатиры,
Но я вышел теперь из терпения
И поведаю целому миру;*

*От извозчиков зло и опасности,
О которых, по робости странной,
Ни один из поборников гласности
Не возвысил свой голос гуманный.*

— —

Дважды в год, как известно, снимаются

*Все мосты на Неве, и в то время
За реку сообщенья свершаются
Через мост Благовещенский все-
ми{8}.*

Тут всем ванькам законом при-
бавлена
За концы отдаленные плата;
Но обычная такса оставлена
Круглый год нерушимо и свято{9}

На Васильевский остров и к
Смольному.
Как же ваньки закон соблюдают?
Только гнева порыву невольному
Патриота они подвергают...

Раз мне осенью в Пятую линию
Из-под Смольного ехать случи-
лось.
Занесло меня клочьями инея,
Больше часа езда наша длилась.

По приезде я, вынув двугривенный,
Пять копеек потребовал сдачи.
Что ж мой ванька? «Да, барин,
трехгривенный...
Наша такция нонче иначе...»

«Как иначе?» – «Да как же? Указа-
но
Вдвое брать, как мосты-то сни-
мают».

«Покажи мне, плут, где это сказано?»

Где про Остров закон поминает?»

«Что мне, сударь, напрасно показывать!»

Коли совести нет, так уж, видно,

Неча с вами и дела завязывать...

Только больно мне эфто обидно».

И, сказавши, хлестнул он решительно

Лошаденку и стал удаляться.

На него закричал я пронзительно,

Что он должен со мной расквитаться.

Но, услыша мое восклицание

И пятак мне отдать не желая,

Он поехал быстрее... В молчании

Я стоял, за ним мысль устремляя.

Я ограблен канальей безвестною...

Но не это меня сокрушало:

Горько было, что ложью бесчестною

Эта шельма закон искажала...

*Я подумал о том, как в Британии
Уважаются свято законы{10},
И в груди закипели рыдания,
Раздались мои громкие стоны...*

Конрад Лилиеншвагер

Краткое объяснение

При самом первом, еще не твердом шаге своем на поприще общественной деятельности встреченный всеобщим негодованием серьезных деятелей науки и литературы, «Свисток» внезапно умолк, подобно робкому чижу, изображенному славным баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым в басне его сочинения: «Чиж и еж». Отличаясь скромностью, неразлучною с истинным достоинством, «Свисток» безропотно покорился приговору строгих судей, признавших его недостойным *настоящего времени*, когда возбуждено так много общественных вопросов^{11}. И скромность его не осталась без возмездия: он имел удовольствие видеть, как отсутствие его при второй книжке «Современника» поразило грустию чувствительные сердца читателей; он имел редкое на земле наслаждение – убедиться, что непоявление его и при третьем нумере журнала повергло публику в

мрачное отчаяние. Но, проникнутый гуманностью современной эпохи, «Свисток» скоро сознал, что радость о людских огорчениях противна всем нравственным законам, и вследствие того решился доставить себе наслаждение более чистое и возвышенное и притом более сообразное с естественными наклонностями его натуры: он решился вновь явиться пред публику, чтобы видеть ее непритворную радость при его появлении. Вся природа благоприятствует его намерению и, кажется, с нежною улыбкой благословляет его на деятельность. *«Шествует весна»*, по выражению поэта; *«берега расторгают лед»*, по выражению другого поэта; хотя *«еще в полях белеет снег»*, по замечанию третьего поэта{12}. Все творение оживает и наполняется звуками; скоро прилетят птички, будут благоухать цветы, просвещение быстрым потоком разольется по необъятной России... Кто может молчать при виде таких отрадных событий! «Свисток» ли? – Нет!..

Из цикла «Мотивы современной русской поэзии»

(О)тдавая дань природе, мы даем первое место благородной и исполненной смелых идей поэме г. Лилиеншвагера: «Четыре времени года». Этот поэт-мыслитель замечателен особенно тем, что природа со всеми своими красами для него, собственно говоря, не существует сама по себе, а лишь служит поводом к искусным принаоровлениям и соображениям, почерпнутым из высшей жизни духа. В новейшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересует нас, насколько она служит отражением разумной, духовной жизни{13}. С этой точки зрения должен быть признан огромный талант в г. Лилиеншвагере, который, как сам признается, «всем явлениям природы придает смысл живой», никогда не пускаясь в простое, бесплодное поэтизирование неразумных явлений мира. Поэзия его должна составить новую эпоху в нашей литературе: нельзя без особенного чувства читать стихотворения, в которых поэт при виде вес-

ны размышляет об английском судопроизводстве или, отморозивши себе нос, с отрадою предаётся историческим воспоминаниям о двенадцатом годе. До сих пор только г. Розенгейм приближался несколько к такой высоте, да ещё разве гг. Майков и Бенедиктов в некоторых стихотворениях давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзию{14}. – Прочитавши поэму г. Лилиеншвагера, читатели согласятся с нами, что к нему более чем к кому-нибудь можно приложить слова г. Дружинина (в «Библиотеке для чтения» 1859 года, № 1) о г. Майкове: «он сумел проложить себе дорогу и в мире высоких помыслов доискаться того лиризма, которым натура его не была богата».)

Четыре времени года{15}

1

Весна

*Боже! Солнце засияло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало,
И цветочки расцвели!*

*Жизнью, светом всюду веет,
Мысль о смерти далека,
И в душе идея зреет,
Поэтично высока!*

*Так законов изученье
Свет и жар нам в сердце льет
И свободное теченье
Нашей мысли придает.*

*Так в разумном вертограде
Правых английских судов{16}
Расцветает, пользы ради,
Много нравственных цветов!..*

*Всем явлениям природы
Придавая смысл живой,
К солнцу правды и свободы*

Возношусь я так весной!

2

Лето{17}

*Иду по ниве я, смотрю на спелый
колос,
Смотрю на дальний лес и слышу
звонкий голос
Веселых поселян, занявшихся
жнитвом
И живописно так склоненных над
серпом...*

*Иду и думаю: так нравственно-
сти зерна,
Так мысли семена пусть выраст-
нут проворно
На ниве нравственной России мо-
лодой
И просвещения дадут нам плод
благой.*

*Пускай увидим мы, пока еще мы
вживе,
На невежественной, духовной на-
шей ниве
Духовный хлеб любви, и правды, и
добра,*

*И радостно тогда воскликнем
все: «ура!»...*

Наш демон (Будущее стихотворение)

*В те дни, когда нам было ново
Значенье правды и добра
И обличительное слово
Лилось из каждого пера;
Когда Россия с умилением
Внимала звукам Щедрина{18}
И рассуждала с увлеченьем.
Полезна палка иль вредна;{19}
Когда возгласы раздавались,
Чтоб за людей считать жидов
{20},
И мужики освобождались{21},
И вред был признан откупов;{22}
Когда Громека с силой адской
Все о полиции писал;{23}
Когда в газетах Вышнеградский
Нас бескорыстьем восхищал;{24}
Когда мы гласностью карали
Злодеев, скрыв их имена{25},
И гордо миру возвещали,
Что мы восстали ото сна;{26}
Когда для Руси в школе Сэя
Открылся счастья идеал{27}
И лишь издатель «Атеней»*

Искусства светоч возжигал;{28}

В те дни, исполнен скептицизма,
Злой дух какой-то нам предстал
И новым именем трюизма
Святыню нашу запятнал.

Не знал он ничего святого:

Громекой не был увлечен,
Не оценил комедий Львова,{29}

Не верил Кокореву он{30}.

Не верил он экономистам,

Проценты ростом называл
И мефистофелевским свистом
Статьи Вернадского встречал
{31}.

Не верил он, что нужен гений,
Чтобы разумный дать ответ,
Среди серьезных наших прений —
Нужна ли грамотность иль
нет...{32}

Он хохотал, как мы решали,
Чтоб мужика не барики сек{33}.

И как гуманно утверждали,
Что жид есть тоже человек.

Сонм благородных протестантов

Он умиленно не почтил

И даже братьев Милеантов

Своей насмешкой оскорбил{34}.

Не оценил он Розенгейма,
Растопчину он осмеял{35},
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости он клал.
Весь наш прогресс, всю нашу глас-
ность.
Гром обличительных статей,
И публицистов наших страст-
ность,
И даже самый «Атеней» —
Все жертвой грубого глумленья
Соделал желчный этот бес,
Бес отрицанья, бес сомненья{36},
Бес, отвергающий прогресс.

Конрад Лилиеншвагер

Письмо из провинции

*Чей шепот в душу проникает?
Кто говорит мне: «веселись!»?*

Так спрашиваю я себя с некоторого времени чуть не каждый день – и вот по какому случаю.

С каждой почтой получаю я из столиц (преимущественно из Москвы) газеты и журналы, и в каждом их номере меня поражает какой-то таинственный голос, рассказывающий какую-нибудь из мелких житейских неприятностей и с видимым удовольствием прибавляющий, что «пришла наконец благодатная, радостная, желанная и т. д. пора, когда подобные неприятности можно рассказывать во всеуслышание». Под рассказом обыкновенно подписан какой-нибудь зет или икс, а чаще и ничего не подписано; местность не обозначена; к кому голос относится, неизвестно. Я долго ломал себе голову, чтобы узнать, о чем хлопочут восторженные рассказчики, и наконец остановился на предположении, которое на первый раз может вам показаться

странным, но которое не лишено своей доли правдоподобия. Я полагаю, что все безыменные известия в ваших газетах сочиняет один какой-нибудь шалун, желающий подурочить вас, господ редакторов. Вы все ведь, разумеется, – народ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятиями о жизни; вам все в мире представляется необыкновенно связным, разумным, чистым и пр. В своем умозрительстве вы по неведению действительной жизни решительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне «затыкает своим колпаком все прорехи мироздания»{37}. Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имеет некоторые права, что литератор тоже есть до некоторой степени *смертный*, что *толпа* достойна отчасти вашего внимания и пр. Мы, разумеется, тотчас же приметили начало вашего обращения и дружно рукоплескали благому начинанию. Но для вашей же пользы позвольте нам иногда сообщать свои замечания о некоторых *странностях*, нередко проявляющихся в ваших суждениях о действительной жизни, с которою вы начинаете знакомиться. На этот раз я намерен со-

общить вам несколько практических замечаний о тех голосах, которые теперь так часто раздаются в журналах и газетах. Имея о русской жизни и русском обществе понятие, как видно, самое неопределенное, вы постоянно приходите в изумление, поднимаете шум и начинаете горячиться из-за таких вещей, к которым мы все давно уже привыкли и которые вообще не принадлежат к числу явлений чрезвычайных. Вам, например, скажут, что кто-то и где-то взятку взял; вы сейчас думаете: «ужасное, чудовищное, сверхъестественное событие! надо о нем объявить во всеобщее сведение!» – и немедленно печатаете, что вот, дескать, какое событие произошло: один чиновник с одного просителя взятку взял! – Услышите вы где-нибудь, что цыган лошадь украл; поднимается шум, пишутся грозные обличения на неизвестного цыгана, укравшего лошадь. Пришлет вам кто-нибудь известие о том, что один сапожник плохо сапоги шьет; вы сейчас же и тиснете известие о сапожнике с видимым удовольствием, что можете сообщить такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновник, взявший взятку, цы-

ган-конокрад и плохой сапожник – такие редкие исключения в России, что на них будут все сбегаться смотреть, как на г-жу Пастрану {38}. Но смею вас уверить, что вы ошибаетесь, просвещенные литераторы и журналисты! Я, конечно, не могу еще назваться человеком старым, не могу похвалиться и тем, чтобы я видал слишком много; но все же я, должно быть, опытнее вас, и потому вы мне можете поверить. И я вам скажу, что у нас, собственно говоря, – что ни цыган, то и конокрад; что ни сапожная вывеска, то и плохой сапожник; что ни присутственное место, то и чиновников такая толпа, в которой никого не распознаешь по тому признаку, что один берет взятки, а другой нет... Это верно; спросите кого хотите, если мне не верите. Мы, читатели, даже удивляемся все, как *вы* этого до сих пор не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкам изучали; да неужели же нет таких книжек, в которых бы это было рассказано как следует? Знаете что: нам кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы как будто читаете только *текущую литературу*, то есть свои журналы. Этим только и можно объяснить

азарт, с которым вы кидаетесь на всякое известие о взятке, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тут у вас в журналах действительно было время, когда ни о чем подобном не писалось; но «не писалось» не значит, что и не делалось и не расходилось в публике. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись по-прежнему, и мы о них знали очень хорошо, так что для нас они вовсе не были новостью, когда вы внезапно закричали о них в своих журналах. А вот вы-то сами как будто и действительно новость узнали: так вы погружены были в свои журналы, так пропитались их розовым запахом и так отвлеклись от всего живого!.. Мы вас и не винили в начале-то, думая, что вы, как люди умные, тотчас же оглядитесь вокруг себя, смекнете, в чем дело, да потом еще и нас поучите, куда нам идти и что делать. Но, видно, знание жизни дается не так легко, как изучение какого-нибудь немецкого курса эстетики! Вы как стали на одной точке, так и не двигаетесь с нее... А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назад вы стали печатать обличительные повести; в некоторых из них был та-

лант, в других просто рассказывались любопытные факты. И те и другие были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно, потому, что публика признала действительность фактов, сообщаемых в повестях, и читала их не как вымышленные повести, а как рассказы об истинных происшествиях. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тех, которые скрывались под псевдонимами в повестях. И нужно признаться, что первые ваши обличительные повести давали читателю возможность отыскивать обличаемых. У г. Щедрина описан, например, Порфирий Петрович: я знал двоих Порфирьев Петровичей, и весь город у нас знал их; есть у него городничий Фейер: и Фейеров видал я несколько... {39} Разумеется, еще чаще видали мы Чичиковых, Хлестаковых, Сквозников-Дмухановских, Держиморд и пр. Но об этом я уж и не говорю. У Гоголя такая уж сила таланта была, что до сих пор, куда ни обернешься, так все и кажется, что перед тобой стоит или Чичиков, или Хлестаков, а если ни тот, ни другой, то, уж наверное, Земляника... В этом отношении,

я должен признаться, большая часть *щедринских* рассказов составляет шаг назад от Гоголя. Но все-таки они не так далеко от него убежали, как нынешние рассказы, непрерывно печатаемые в газетах. По рассказу Щедрина я еще мог узнавать обличаемых, хотя не в той степени, как по рассказу Гоголя; но теперешние повести (которые вы почему-то называете *гласностью!*) совершенно лишают меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мне годится, например, такое обличение:

Одному моему знакомому случилось заказать себе сапоги из петербургского товара здешнему цеховому сапожнику. Что же оказалось? Он, желая выдать поставленный им товар за петербургский, сам вывел клеймо фабриканта на коже чернилами, и довольно искусно, так что с первого раза трудно догадаться о подделке. Но сапоги недели через две перелопались, фальш оказался несомненным, тем очевиднее, что на петербургской коже клеймо фабриканта печатное (см. «Русский дневник», 1859, № 22){40}.

Известие это прислано в «Русский дневник» из Нижнего Новгорода, с подписью: «*Корреспондент*». Я сам, как вам известно, обитатель Нижнего и потому легче другого мог бы сообразить, кто тут обличается; но хоть убейте меня, я до сих пор никак не могу указать вам гнусного сапожника, о котором извещает *Корреспондент*. Если бы он подписал хоть свою собственную фамилию, то до сапожника уж мы бы добрались как-нибудь: узнали бы, кто у Корреспондента знакомые, потом справились бы, какие сапожники шьют на них сапоги, и таким образом понемножку добились бы сведений, по крайней мере вероятных, если не совершенно непогрешимых. Но обличитель скрыл даже и свою фамилию и тем лишил нас всякой возможности напасть хоть на след негодного сапожника. Если бы он представил типические особенности сапожника, как делалось прежде, в щедринских рассказах, тогда была бы польза: можно бы узнать по указанным признакам почти всякого надувалу-сапожника. Но *Корреспондент* говорит просто: «одному цеховому сапожнику» – как тут искать его? И какую

пользу для общества может принести сведение, что один сапожник дурной товар на сапоги ставит? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знают о существовании таких сапожников, то вы очень ошибаетесь. Всякий из читателей подивится только, каким образом вы могли этого не знать. Разве не оттого ли ваше незнание, что вы постоянно *котурн* надеваете и не имеете понятия о сапогах? Но ведь мы все думали, что вы в котурне-то являетесь перед нами только печатным образом; а как же вы по улицам-то ходите? Разве тоже в котурне? Впрочем, действительно в котурне, нечего и спрашивать: это по сочинениям вашим видно. Ну в чем же иначе может ходить, например, г. Жемчужников, напечатавший в 1 № «Московских ведомостей» нынешнего года статейку «Еще придирика»{41}. Статька написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

Некто (кто?) приезжает в некоторый (какой?) город и отправляется в гостиницу (какую?), куда приказывает и своему слуге (как его зовут?) явиться с чемоданами. Слуга нанимает извозчи-

ка (имя? нумер?) и едет... С ним встречаются блюстители порядка и общественной безопасности – все равно: ка-заки ли они или какие-либо другие по-лицейские служители (далеко не все равно для гласности!). Едущий слуга почему-то им кажется человеком по-дозрительным. Они его останавли-вают и спрашивают: кто он и куда едет? Он отвечает им, что он та-кой-то, и называет гостиницу, куда ему приказано ехать. Блюстители за-мечают, что он едет не в ту сторону, где находится гостиница, и еще более утврждаются в своем мнении, что он человек подозрительный; вслед-ствие чего они его задерживают и представляют в полицию. Слуга ехал действительно не в ту сторону, где го-стиница; извозчик, вероятно, не знал дороги или не понял, куда везти. Что же делает полиция с задержанным че-ловеком? Она (кто же, однако, эта она?) спрашивает его; кто он и куда ехал? Он отвечает, что он такой-то; называет гостиницу, куда приказано ему ехать; объясняет, что сам он до-роги не знает, будучи в городе в первый

раз; немедленно предъявляет свой вид; называет лицо, у которого находится в услужении, и просит проводника для сопровождения его в гостиницу и для удостоверения в истине своего показания. Но полицейский чиновник (как его имя?) не соглашается на это предложение и принимает следующую меру, чтобы убедиться в достоверности слов слуги и в подлинности предъявленного им вида: он открывает чемоданы и осматривает находящиеся в них вещи. Обревизовав таким образом и белье, и платье, и все, что было там спрятано и заперто именно с тою целью, чтобы никто не смел ни до чего касаться без разрешения или приказа хозяина, и продержав слугу в полиции два часа, чиновник наконец соглашается на его первоначальную просьбу и отправляет его в гостиницу с проводником.

Случай самый обыкновенный, самый невинный, – сошлюсь на всех русских читателей! Из-за чего же тут горячиться, от чего приходиться в негодование, и – главное – зачем все это рассказывать нам с такими подробно-

стями? Может быть, это особенный род остроумия, потешающийся над несбывшимися ожиданиями; но такое остроумие, имея целью одурачить человека, не совсем удобно в отношениях автора с читателями. Я, помню, читал где-то, как один шутник отделался от навязчивого господина, который все расспрашивал его, таскают ли волки коров в лес. «Бы- вает», – отвечал шутник и затем рассказал длиннейшую историю о том, как у него однажды корова домой не пришла, как он искал ее по лесу и как она оказалась возле забора его дома, совершенно в добром здоровье. «Ну, а волк?» – спросил слушатель. «Волка не было», – лаконически отвечал рассказчик... Г-н Жемчужников поступает с нами отчасти в этом роде: мы ожидаем какой-нибудь ужасной истории, чего-нибудь необычайного, чтобы дыханье захватило, а тут вдруг *отправил- ся благополучно домой*. Да помилуйте, что вы нас морочите-то? Неужели вы и в самом деле не понимаете, что об этаких вещах объ- являть – все равно что объявить: «Один квар- тальный надзиратель недавно пообедал!» Об этом говорить нечего: мы не такие виды ви-

дали... Я, например, мог бы рассказать, как у одного проезжего купца было отнято близ одного города разбойниками 50000 рублей и как через месяц потом у частного пристава умер дядюшка в Сибири и оставил ему 50 000 наследства. Я мог бы сообщить, как в одном провинциальном городе один домовладелец дал во время пожара 3000 целковых полиции, чтобы только она не подступалась к его дому. Я мог бы передать историю, как одну немку из Виртемберга, захотевшую приписаться в России, приписали было в крепостные к казенным заводам за то, что она, *не зная порядков*, никому ничего не платила... Да мало ли что можно бы рассказать, если бы была охота! Слава богу – Русь-то наша не клином сошлась! А то – побеспокоили человека, чемоданы посмотрели: великая важность! Известное дело – *a la guerre comme a la guerre*...[1]

Но г. Жемчужников рассказывает эту историю, собственно, для выводов, какие он делает из нее. Он говорит: «Я не счел нужным обозначить место, где случилось рассказанное мною происшествие. Предположите, пожалуйста, что оно вымышлено: оно от этого не по-

теряет своего характера возможности и вероятия». Следовательно, вместо гласности опять выступает на сцену мифология! Хорошо! Где же нравоучение? Их два – одно теоретическое, другое практическое. Первое таково:

У нас есть еще (скоро не будет, конечно!) люди, считающие насилие и произвол мерами общественного порядка и гражданского благоустройства.

Практические выводы имеют такой вид:

К стыду нашему мы должны сознаться, что чувство чести и собственного достоинства у нас еще не развилось или, может быть, заглохло. В нашей общественной жизни мы умели соединить привычку неповиновения закону с постыдным и раболепным самоуничтожением перед всяким произволом. Избегая исполнения наших обязанностей, мы не заботимся о защите наших прав и не умеем протестовать против оскорбления нашей гражданской чести, и человеческого достоинства, когда это оскорбление наносится нам без всякого повода и причины, а просто под предлогом исполнения служебных

обязанностей («Московские ведомости», № 1).

Итак, вот вам мораль: «исполняйте свои обязанности, защищайте свои права и протестуйте против оскорблений». Великая истина – жаль только, что не совсем новая. Это еще звери у Крылова предлагали. Помните, как они, защищая овец от волков, решили, что ежели волк нападет на овцу,

*То волка тут властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворот и тотчас в
суд представить
В ближайший лес иль бор...{42}*

Но мне кажется, что это рассуждение истинно зверское, хотя оно г. Жемчужникову и нравится. Я говорю: *нравится*, основывая это вот на каких соображениях. Статейка г. Жемчужникова направлена против того, что мы не заботимся о защите своих прав; в заключении же ее говорится: «Нельзя, однако нее, отказать от надежды, что во всех сферах нашей жизни человеческий разум одержит наконец верх над животными инстинктами! Бу-

дем ожидать терпеливо наступления этого вождяленного времени». Видите: мы должны отстаивать свои права и ожидать терпеливо, когда человеческий разум и пр. ... Ясно, хватайте волков за шиворот, отстаивая свои права, и ожидайте, пока их разумно рассудят с вами в ближайшем лесу! Стоило такой шум подымать для того, чтобы напомнить нам о *терпении!* Терпенью-то уж нас, провинциалов, не учите, пожалуйста: сами горазды!

А ведь действительно – другой цели-то нет, должно быть, у вас, кроме того, чтобы порисоваться перед нами в котурне да поучить нас терпению. Все, что вы делаете, доказывает это. Например, во 2 № «Московских ведомостей», вслед за статейкой г. Жемчужникова, было напечатано вот какое письмо к редактору!

М. г.

Позвольте мне сообщить вам факт, сильно поразивший меня, когда я услышал о нём. Вероятно, многим не часто приходилось слышать такого рода случаи.

Н., оставив в Москве жену с тремя до-

черьми без всяких средств к существованию, пошел в казаки и был послан на Амур. Бедная женщина кое-как пристроилась к месту и своими трудами содержала себя и свое семейство. Спустя несколько лет взгрустнулось мужу по жене: он почувствовал снова склонность к семейной жизни и, боясь не найти сочувствия в жене к своему предложению, послал ей чрез кого следует приглашение прийти повидаться с ним в Сибирь. В одно прекрасное утро ей было объявлено, что она должна чрез две недели по этапу с колодниками отправиться на Амур для свидания с мужем. Вы можете себе представить ужас несчастной жертвы этой любви. Для сохранения супружеского счастья жертвовалось всем: здоровьем, спокойствием, привязанностью к родине, к семейству; вменялось в обязанность нравственной женщине, единственной опоре семейства, отправиться зимой, по этапу, с колодниками, за несколько тысяч верст, на свидание с человеком, который пустил ее и семью по миру. Ни слезы, ни мольбы несчастной не могли поправить де-

ло: она должна будет отправиться в путь, бросив все, что было ей дорого и мило в Москве, ее родине. Стоит немного остановить внимание на этом факте, чтоб увидеть всю массу последствий, которые может повлечь за собою подобное внушение высоко-нравственного чувства.

Примите и пр.

Д. З – ский

Мы читали письмо г. Д. З – ского о жене г. N. и терялись в догадках, зачем оно напечатано. Что муж, по существующим законам, имеет право вытребовать к себе жену, это мы все знали; что жене это требование всегда бывает неприятно – тоже всякому известно. Чего же хотел г. З – ский, говоря о жене г. N.? Возбудить к ней участие? Но как же это участие могло выразиться, когда ее имя не было названо? Задумались мы и только покачали головой при мысли о непрактичности писателей и редакторов. И, должно быть, не нам одним приходили в голову такие мысли. Неделю через две в 15 № «Московских ведомостей» появилось письмо к редактору такого содержания. «Не иначе, говорит, как в видах хри-

стианской любви вы сообщили известие о жене, требуемой мужем по этапу. Действительно, о ней жалеют и хотят помочь ей; но кто она и где она? Как добрый человек и христианин, примите, говорит, на себя труд указать место ее жительства». В ответе на это письмо редактор оказался человеком чувствительным: он назвал письмо *трогательным* и сказал, что жена г. Н. называется Акулиною Варфоломеевной Кащеевою, живет на Сретенке, в доме купца Сазикова, в квартире Матвея Филипповича, и должна отправиться через неделю. К сему редактор счел нужным присокупить: «Мы слышали, что, по распоряжению начальства, эта несчастная женщина снабжена тем, что может облегчить ей предстоящее путешествие. Говорят, ей даны тулуп и лошадь»{43}. Заметьте, что со времени первого объявления до этого письма и редакторской приписки прошло две недели, в продолжение которых благодетельные москвичи рвались всеми силами души своей помочь несчастной, но не знали, где она, не знали даже, не миф ли она вместе с г. Д. З – ским!.. Что мешало в первом же извещении объявить ее

имя? Неужели и тут были какие-нибудь помехи, *не зависящие от редакции*? Нет-с, быть не может: тут во всем виновата единственно ваша привычка к отвлеченности и совершенное отчуждение от жизни. Вы очень чувствительны; услышавши о несправедливости, вы начинаете громко кричать; узнав о несчастье, горько плачете. Но вы как-то умеете возмущаться против *несправедливости вообще*, так же как умеете сострадать *несчастью в отвлеченном смысле*, а не человеку, которого постигло несчастье... Оттого все ваши рассуждения и отличаются таким умом, благородством, красноречием и – непрактичностью в высшей степени. Вы до сих пор разыгрываете *в вашей литературе* (скажу не как Хлестаков {44}) каких-то чувствительных Эрастов:{45} как будто исполнены энтузиазма и силы, как будто что-то делаете, а в сущности все только себя тешите и – виноват – срамите перед нами, простыми провинциальными жителями.

Я надеюсь, что вы моими жесткими выражениями не обидитесь, как и я не обиделся вашим замечанием о моем первом письме – относительно «Литературного протеста»{46}.

Бог с вами: бранитесь сколько хотите – только представьте и мое мнение на суд публики. Она рассудит... Что касается до гласности, которой вы хвалитесь, то я о ней еще поговорю с вами. О ней можно много говорить, а я еще только начал. Тороплюсь послать письмо на почту: мне хочется, чтобы вы в апреле напечатали его. Но не могу с вами расстаться, не сделав следующего предложения: издавайте ежедневно газету! Я готов вам поставлять каждый день в течение десяти лет по двадцати одному истинному анекдоту вроде тех, которых десятка два, под именем *гласности*, напечатано в ваших газетах за нынешний год. Разумеется, я буду всячески избегать собственных имен и даже своего собственного не буду подписывать. Решайтесь... Не бойтесь, что материалу не хватит: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет...{47}

Д. Свиристелев

Нижний Новгород

25 марта 1859 года

Раскаяние Конрада Лилиеншвагера

Известно, что г. Лилиеншвагер своим смелым и звучным стихом воспел в апреле месяце «беса отрицанья и сомненья»{48}, который вовсе не должен был бы и носа показывать в публику в настоящее время, когда (как очевидно из примера акционеров общества «Сельский хозяин») все создается на взаимном доверии и сочувствии{49}. За непростительную дерзость г. Лилиеншвагера досталось и нам и ему в № 95 «Московских ведомостей». Мы, разумеется, тотчас же сказали, что наше дело сторона, и тем себя немедленно успокоили. Но г. Лилиеншвагер, как пылкая, поэтическая и притом почти немецкая натура, принял упреки «Московских ведомостей» очень близко к сердцу, и – кто бы мог это подумать? – в убеждениях его совершился решительный перелом. Как Пушкин отрекся от своего «Демона» вследствие некоторых советов из Москвы{50}, так и г. Лилиеншвагер от-

рекся от своего беса и сделался отныне навсегда (до первой перемены, разумеется) верным и нелицемерным певцом нашего прогресса. Вот стихотворение, которым ознаменовал оп момент своего раскаяния:

Мое обращение

*Во дни пасхальных балаганов{51}
Я буйной лирой оскорблял
Прогресса русского титанов
И нашу гласность осмеял.*

*Но от стихов моих шутовских
Я отвратил со страхом взор,
Когда в «Ведомостях московских»
Прочел презрительный укор.*

*Я лил потоки слез нежданных
О том, что презрен я в Москве...
Себе, в порывах покаянных,
Надрал я плешь на голове!..*

*Но плешью приобрел я право
Смотреть на будущность свет-
ло!..{52}
С тех пор, не мудрствуя лукаво,
Я прояснил свое чело:*

*Меня живет родная пресса,
И, полн святого забвения,
Неслышной поступи прогресса
С благоговеньем внемлю я...*

Конрад Лилиеншвагер

**Из цикла «Опыты австрийских
стихотворений»
Соч. Якова Хама**

(От редакции «Свистка». В настоящее время, когда всеми признано, что литература служит выражением народной жизни, а итальянская война принадлежит истории{53}, — любопытно для всякого мыслящего человека проследить то настроение умов, которое господствовало в австрийской жизни и выражалось в ее литературе в продолжение последней войны. Известный нашим читателям поэт г. Конрад Лилиеншвагер, по фамилии своей интересующийся всем немецким, а по месту жительства пишущий по-русски, доставил нам коллекцию австрийских стихотворений; он говорит, что перевел их с австрийской рукописи, ибо австрийская цензура

некоторых из них не пропустила, хотя мы и не понимаем, чего тут не пропускать{54}. Стихотворения эти все принадлежат одному молодому поэту – Якову Хаму, который, как по всему видно, должен занять в австрийской литературе то же место, какое у нас занимал прежде Державин, в недавнее время г. Майков, а теперь г. Бенедиктов и г. Розенгейм{55}. На первый раз мы выбираем из всей коллекции четыре стихотворения, в которых, по нашему мнению, очень ярко отразилось общественное мнение Австрии в четыре фазиса минувшей войны. Если предлагаемые стихотворения удостоятся лестного одобрения читателей – мы можем представить их еще несколько десятков, ибо г. Хам очень плодовит, а г. Лилиеншвагер неутомим в переводе.)

1

**Неблагодарным народам
(Пред началом войны)**

*Не стыдно ль вам, мятежные
языки,
Восстать на нас? Ведь ваши мы
владыки!..
Мы сорок лет оберегали вас*

От необдуманных ребяческих про-
каз;{56}

Мы, как детей, держали вас в опе-
ке

И так заботились о каждом че-
ловеке,

Что каждый шаг старались усле-
дить

И каждое словечко подхватить...

Мы, к вам любовь отцовской
одержимы,

От зол анархии хранили вас
незримо;

Мы братски не жалели ничего
Для верного народа своего:

Наш собственный язык, шпионов,
гарнизоны,

Чины, обычаи и самые законы —

Всё, всё давали вам мы щедрою ру-
кой...

И вот чем платите вы Австрии
родной!..

Не стыдно ль вам? Чего еще вам
нужно?

Зачем не жить по-прежнему нам
дружно?

Иль мало наших войск у вас сто-
ит?

Или полиция о деле не радит?
Но донесите лишь – и вмиг мы всё
поправим
И в каждый дом баталион поста-
вим...
Или страшитесь вы, чтоб в буду-
щем от вас
Не отвратили мы заботливый
свой глаз?
Но мысль столь страшная на-
прасно вас тревожит:
Австрийская душа коварна быть
не может!!{57}

Из фельетона «Наука и свистопляска, или Как аукнется, так и откликнется»

2

Новый общественный вопрос в Петербурге

Domine, libera nos a furore normannorum!..[2]

Еще один общественный вопрос Прибавился в общественном сознания:

Кто были те, от коих имя «Росс» К нам перешло, по древнему сказанью?

Из-за моря тогда они пришли (Из-за моря идет к нам все благое).

Но кто ж они? В каких краях земли

Шумело море то своей волною?

Не знаем мы! Искали мы его

От Каспия, куда струится Волга,

Где дешева икра, – вплоть до то-
го,
Где странствовал Максимов
очень долго{58}.

На Черном море думали найти,
Где Общество родного парход-
ства

Цветет, растет, и будет все цве-
сти

Десятки лет, назло недоброхот-
ству{59}.

На Балтике его искали мы,
Где вознеслась полночная столи-
ца,

Где средь болот, туманов и зимы
Жизнь так легко и весело катит-
ся.

Так мы не день, не месяц и не год,
А целый век, от моря и до моря,
Метались, как угорелый кот,
Томительно исследуя и споря.
Но наконец, измучась, истомясь,
Решились все на том остано-
виться,

На чем застал момент послед-
ний нас, —

Чтоб с этим делом больше не во-
зиться!

*В такой-то час норманство во-
дворил
И дал почить нам господин Пого-
дин.
И с той поры весь русский люд
твердил,
Что Рюрик наш с норманнами
был сроден.*

*Но снова мы сомнением полны,
Волнуются тревожно наши гру-
ди:
Мы слышим, что норманны сме-
нены
Варягами-литовцами из Жмуди...*

*Норманнов уничтожил, говорят,
В статье своей профессор Косто-
маров.
Погодин хочет встать за преж-
ний взгляд
И, верно уж, не пощадит ударов.*

*Кому-то пасть? Кому-то предле-
жит
Нас озарить открытием благо-
датным?
Бог весть! Но грудь у всех у нас го-*

*рит
Предчувствием каким-то непо-
нятным.*

*Привет тебе, счастливая пора
Поднятия общественных вопро-
сов,
В дни торжества науки и добра
Томит нас вновь призыв варя-
го-россов!*

*Что ж делать нам? Как разре-
шить вопрос,
Который так давно нас всех тре-
вожит?
Он в детстве нам так много сто-
ил слез
И, кажется, в могилу нас уло-
жит!*

Конрад Лилиеншвагер

Три стихотворения Конрада Лилиеншвагера

1

Чернь (Первое стихотворение нового периода)

*Прочь, дерзка чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Державин{60}*

*Прогресс стопою благородной
Шел тихо торною стезей,
А вокруг него, в толпе голодной,
К идеям выпреним несродной,
Носился жалоб гул глухой.
И толковала чернь тупая:
«Зачем так тихо он идет,
Так величаво выступая?
Куда с собой он нас ведет?
Что даст он нам? чему он слу-
жит?
Зачем мы с ним теперь идем?..
И нынче всяк, как прежде, ту-
жит,
И нынче с голоду мы мрем...
Всё в ожиданьи благ грядущих
Мы без одежды, без угла,*

Обманов жертвы вопиющих
Среди царяющего зла!»{61}

ПРОГРЕСС

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наедаться сыто.
Но к высшей правде ты слепа,
Покамест брюхо не набито!..
Скажи какую хочешь речь
Тебе с парламентской
трибуны, —
Но хлеб тебе коль нечем печь,
То ты презришь ее перуны
И не поймешь ее красот!
Раба нужды материальной
И пошлых будничных забот,
Чужда ты мысли идеальной!

ЧЕРНЬ

Нас натошак не убеждай,
Но обеспечь для нас работу
И честно плату выделяй:
Оценим мы твою заботу —
Пойдем в палаты заседать
И будем речи вдохновенной
О благоденствии вселенной
Светло и радостно внимать!

ПРОГРЕСС

*Подите прочь! Какое дело
Прогрессу мирному до вас?..
Жужжанье ваше надоело,
Смирите ваш строптивый глас.
Прогресс – совсем не богадельня,
Он – служба будущим векам;
Не остановится бесцельно
Он для пособия беднякам.
Взгляните – на небесном своде
Светило дневное плывет{62},
И все живущее в природе
Им только дышит и живет.
Но путь его не остановит
Ни торжествующий порок,
Ни филин, что его злословит,
Ни увядающий цветок!..*

2

Наше время

*Наше время так хвалили,
Столько ждали от него,
И о нем, как о Шамиле{63},
Все так долго говорили,
Не сказавши ничего!*

*Стало притчей наше время
И в пословицу вошло...*

*Утвердяться на этой теме,
Публицистов наших племя
Сотни хрий произвело.*

*Наконец нам надоело
Слушать праздный их синклит,
И с возгласами без дела
Наше время опошлено,
Потеряло свой кредит.*

*Осердяться на невниманье,
Чуть не сгубло уж в Неве...
Но потом, нам в наказанье, —
Вдруг в газетное названье
Превратилось в Москве!.. {64}*

3

Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не киевского округа. {65}

*Выхожу задумчиво из класса.
Вкруг меня товарищи бегут;
Жарко спорит их живая масса,
Был ли Лютер гений или плут.*

*Говорил я нынче очень вольно, —
Горячо отстаивал его...
Что же мне так грустно и так*

больно?
Жду ли я, боюсь ли я чего?

Нет, не жду я кары гувернера,
И не жаль мне нынешнего дня...
Но хочу я брани и укора,
Я б хотел, чтоб высекли меня!..

Но не тем сечением обычным,
Как секут повсюду дураков,
А другим, какое счел приличным
Николай Иваныч Пирогов;

Я б хотел, чтоб для меня собрался
Весь педагогический совет
И о том чтоб долго препирался,
Сечь меня за Лютера иль нет;

Чтоб потом, табличку наказаний
Показавши молча на стене,
Дали мне понять без толкований,
Что достоин порки я вполне;

Чтоб узнал об этом попечитель,
И, лежа под свежесю лозой,
Чтоб я знал, что наш руководи-

тель

В этот миг болит о мне душой...

Конрад Лилиеншвагер

Опыт отучения людей от пищи

*Чудище обло, огромно, озорно, стозе-
вно и – лаяй!*

Тредьяковский{66}

Отчего иногда люди мрут как мухи?

В. А. Кокорев уверяет, будто оттого, что телеграфы не везде существуют. Да притом – прибавляет он – как же не умирать людям, которых не кормят по нескольку дней, привозят и пускают в голую, бесплодную степь, без хлеба, без всяких запасов, на 40⁰ жару, не заготовивши им никаких помещений, не пославши с ними ни лекаря, ни медикаментов... Как тут не умереть человеку?..{67}

Правда, совершенная правда! Как тут не умереть человеку? И удивиться нечего: дело совершенно натуральное, даже, можно сказать, неизбежное... Напротив удивительно было бы, если бы при таких условиях не умирали люди, – хотя бы даже и телеграфы были повсюду, ибо известно, что медики, лекар-

ства, хлеб и помещения по телеграфу не пересылаются...

Но скажите, пожалуйста, где же это подвергают людей таким отчаянным пыткам, такой ужасной смерти? На чье это жестокосердие и зверство нападает г. Кокорев с обычным своим практическим смыслом? Какому варвару доказывает он, что болезни и смертность составляют необходимое последствие безумных и ужасных распоряжений, им перечисленных?

Погодите, господа, приходите в ужас: никакого варвара и злодея тут нет, а просто г. Кокорев совершает похвальный акт *самообличения и покаяния*. Благоразумные распоряжения, произведшие в целой массе рабочих людей болезни и смертность, совершились в Обществе Волжско-Донской железной дороги, которого г. Кокорев был учредителем, и в распоряжениях этих он признает себя значительно повинным. История всего дела довольно длинна, но мы попробуем рассказать ее с некоторою подробностью и в заключение прибавим новые сведения по делу рабочих Волжско-Донской железной дороги, последо-

вавшие уже после покаяния г. Кокорева.

Известно, что Общество Волжско-Донской дороги открылось в декабре 1858 года и в первом же собрании своим заявило себя речами, полными любви к русскому человеку. Так, г. Кокорев сказал речь, в которой между прочим провозгласил:

Мы желали заказать пароходы для Дона в России, чтобы выпискою из-за границы не причинять себе гражданского стыда, но, по неимению у нас в достаточном количестве механических заведений, должны были, из желания ускорить плавание по Дону, обратиться к заводчикам на Дунае. Не будем скрывать того, что это обстоятельство пробуждает во всех нас (то есть в ком же именно?) чувство стыда, и чем глубже его сознание, тем вернее в нем кроется сила грядущего обновления («Московские ведомости», 1859, № 3) {68}.

Вот патриотизм-то какой у г. Кокорева! Во что бы то ни стало хочется ему иметь пароходы доморощенные, и только уже совершенная невозможность, неимение у нас механи-

ческих заведений заставляет его обратиться за границу... А то бы он во славу патриотизма непременно где-нибудь у себя заказал... Вот что значит иметь *высшие* соображения в коммерческом деле: не ищи, где бы купить лучше и дешевле, а думай о том, чтобы покупка в известном месте не навлекла «гражданского стыда» на любезное отечество!..

И видно, что общество вполне прониклось патриотизмом г. Кокорева, только повернуло его немножко в другую сторону. Не имея возможности похвастаться пред иностранцами своими механическими заведениями, оно решило, как видно, щегольнуть нашим национальным богатством. Этим, конечно, и объясняется, что (по сведениям правления общества, в «С.-Петербургских ведомостях», 1859, № 257) пароходы, заказанные для донского пароходства на заводе Лерда, обходятся обществу в 750–800 рублей за силу, тогда как мы в акционерной полемике последнего времени привыкли постоянно встречать цифру 400–500 рублей за пароходную силу{69}.

Еще прибавьте к этому, что и заказы-то были вовсе не нужны и что они, как и дунай-

ские заказы, сделаны были еще тогда, когда только что предполагалось приступить к исследованиям о плавании по Дону и когда еще были одни смутные предчувствия о необходимости очистки донских гирл... Все это произведено было силою патриотических стремлений...

Но заказы пароходов, как и вся «искусственная» часть дела, до нас с г. Кокоревым не относятся, и потому оставим их в стороне. Гораздо ближе нашему сердцу речь г. Погодина, который говорит без обиняков: «люблю русского человека за то, что в нем много доверчивости, без которой нам всем пришлось бы положить зубы на полку...» Речь эта – о важности доверия – до сих пор еще не оценена по достоинству; а между тем она есть такой памятник нашего ораторского искусства, который в будущем издании хрестоматии г. Галахова должен блистательно заменить речь г. Морошкина о том, что наше «Уложение» есть «результат всемирного стремления народов к единству»{70}. По мнению г. Погодина, все должно быть основано на «доверии особого, высшего рода», все должно делаться

«по душе», то есть надо верить всему, что объявят те, у кого в руках дело.

Отчетов никаких не нужно – уверяет г. Погодин, – ибо где отчетность, там по большей части и неправда... Отчетность и хороша, проговаривается он при этом, но *по нашему* (то есть г. Погодина – с кем еще?) *характеру* имеет свои неудобства и невыгодные стороны... Поэтому, говорит, лучше нам не отдавать никаких отчетов... то есть нет... он сказал: лучше нам *не требовать* никаких отчетов и предаться вполне в руки учредителей. Вот теперь нам нужно, говорит, директоров выбирать; но что мы тут смыслим, кого выберем? Напутаем только. Нет, поклонимся-ко лучше учредителям да попросим их сказать нам, кого надо назначить директорами. Так оно и будет, как они решат. «Мне кажется, – уверял маститый профессор, – лучше всего мы соблюдаем наши выгоды, сказав нашим учредителям с их будущими директорами, как говорили наши деды: если вы не оправдаете вашей доверенности, *если вы нас обманете, то вам будет стыдно... И если они нас обманут, то им будет стыдно*»{71}.

Все это, как видите, говорилось во имя русской народности, в видах уважения к отцам и дедам, в уверенности насчет высоких сердечных качеств русского человека. Представителем русских людей был в числе учредителей и г. Кокорев; к нему тотчас и обратились с предложением директорства. Но он «по многосложности своих занятий» отказался от этого звания; тогда избрали его почетным членом правления. С избранием его для общества обеспечивалось присутствие русского элемента в деле, обеспечивалась, кроме того, *полная и безусловная гласность*, которой так ревностно служит г. Кокорев. Так г. Кокорев и говорил в собрании акционеров: «Поведем это дело не по одним только форменным колеям, а при содействии *спасительной гласности по широкой дороге современного и истинного человеческого взгляда на общественные нужды*».

Поговоривши таким образом, начали дело. В первые месяцы все было хорошо. Никто ничего не говорил против общества; к спасительной гласности не прибегал даже г. Кокорев, не ранее как в конце ноября объявивший

в «Русском вестнике» (№ 21), каково было истинное положение дела при его начале{72}. При открытии общества он вместе с профессором Погодиным все восхищался тем, что акции общества разобраны, несмотря на соперничество *гарантированных* акций Главного общества русских железных дорог. В ноябре г. Кокорев пропечатал, что к открытию Волжско-Донского общества акций было разобрано только две трети, остальную же *треть*, то есть более чем на 2 1/2 миллиона рублей, г. Кокорев взял на себя и на своих знакомых – *единственно по необходимости, чтобы предприятие могло состояться*. Если так, то позволительно усомниться в основательности восторгов, с которыми в декабре 1858 года гг. Кокорев и Погодин отзывались об успешном расходе акций: ясно, что все дело устроено было единственно *пособием* г. Кокорева, который одушевлен был в этом случае, как и всегда, любовью к делу, к *национальной* пользе предприятия, а никак не расчетами собственных выгод. Недаром же его и директором выбирали и почетным членом правления избрали!

Но всегда найдутся люди, готовые перетолковать самое бескорыстное дело в дурную сторону. Так и здесь нашлись господа, утверждавшие, что акции шли вовсе не так плохо и что заботливость г. Кокорева об устройстве дела была уже слишком предупредительна. Поэтому, по собственным словам гласнолюбивого г. Кокорева, «многие укоряли его за то, что он оставил за собой много акций и даже видели в этом действие, лишавшее других возможности получить акции». Но давно уже известно, что г. Кокорев все побеждает своим великодушием; на эти укоры (раздававшиеся, вероятно, в конце 1858 и в начале 1859 года) он торжественно отвечал в 21 № «Русского вестника», вышедшем 29 ноября 1859 года (то есть когда уже видно стало, что дело ведется очень плохо, и когда акции стали обещать явный убыток). Отвечал он следующим аргументом: «Я уже сказал, что такую громаду акций я оставил за собой по необходимости, и действительность этого могу подтвердить тем, что я готов половину из них передать желающим, когда угодно». Объявление это при всем своем великодушии могло показать-

ся несколько поздним, и потому г. Кокорев удостоил даже войти в объяснение о том, что «теперь (в конце ноября 1859 года) акции *интереснее*, чем год тому назад, ибо предприятие уже приблизилось к открытию дороги, а с *первым свистком на ней* (не о нашем ли «Свистке» думал г. Кокорев?) употребленный на акции капитал будет приносить уже сбор денег...» Из всего этого, очевидно, следовало, что ежели В. А. Кокорев и решается продавать свои акции, то единственно по гуманности своей натуры, по состраданию к *меньшим братьям (по карману, кто-то выразился)*, которым тоже хочет предоставить участие в выгодах, приходящихся на долю его, г. Кокорева!..

Последствия не оправдали гуманных надежд г. Кокорева: с начала нынешнего года акции быстро падали и теперь публикуются 75 рублей ниже пари; но и за эту цену никто не берет их. Дошло до того, что в общем собрании общества, бывшем в конце апреля, положено ограничить цену акций вместо предположенных 500 только четырьмястами рублей («С.-Петербургские ведомости», № 95)

{73}, и все-таки владельцы акций не знают, куда деваться с ними{74}. Но этих позднейших фактов, конечно, не предвидел г. Кокорев: иначе он, вероятно, не стал бы предлагать так любезно свое великодушие, которое, может быть, и увлекло кого-нибудь и обошлось недешево тому, кто имел неблагоразумие им воспользоваться... Это одна сторона гуманности и гласнолюбия г. Кокорева в деле построения Волжско-Донской железной дороги. Но есть еще другая, за которую давно уже следили мы и о которой только теперь решаемся рассказать, так как дело уже несколько разъяснено разными статьями, появившимися на этот счет в последнее время в газетах. Эта другая сторона уже не в отношениях г. Кокорева к образованной публике, а в деле с рабочими. Трагическая сторона этого дела должна бы даже не позволить ему быть в «Свистке»; но «Свисток» на этот раз берется только указать все шарлатанство, которым обставлена была трагедия с рабочими, и уступает внутреннему обозрению «Современника» серьезную сторону этой истории{75}. Он бы еще охотнее желал уступить ее уголов-

ному суду; но, к сожалению, сам сознается, что при настоящих наших обстоятельствах такое желание было бы легкомысленно. Обратимся же к истории с рабочими.

Посреди всеобщего благожелательства к предприятию Волжско-Донской дороги вдруг в мае прошлого года появилась в «Самарских ведомостях» статейка под названием: «Небывалое возмущение». Статейка эта была потом перепечатана в «Русском дневнике» (№ 109) {76}, и потому, может быть, читатели помнят ее. Но мы все-таки сделаем из нее небольшую выдержку, чтобы удобнее было сличать последующие показания. Вот существенная часть статьи:

Накануне 28 числа апреля прибыл в Самару сверху пароход соединенного общества «Кавказ и Меркурий»{77} «Адашев», буксировавший на трех баржах склад лесного материала, принадлежностей для производства земляных работ по устройству железной дороги между Волгою и Доном, как-то: тачек, чугунных колес и пр., и до 2000 человек рабочих, которые размещались на палубе. Оставив баржи с рабочими

людьми в виду города на середине реки, пароход причалил к пристани, запасся дровами, принял пассажиров и в тот же день вечером отправился, чтобы принять баржи и следовать далее. Но на другой день, 29-го числа, в 6 часов утра, командир парохода «Адашев» барон Медем явился к здешнему губернатору и объявил, что означенные работники взбунтовались, не дают подымать якорей, потому будто бы, что их не спускают на берег, где они хотят пьянствовать. Поэтому просил наказать более виновных зачинщиков. Его сопровождал приказчик купца Гладина, молоденький мужчина о тем оттенком в физиономии, которую обычно привыкли называть плутовскою. Разумеется, этому последнему предложен был вопрос, нет ли другой причины сопротивления крестьян и достаточно ли он их содержит? на что приказчик отвечал, что он дает им хлеба по 4 фунта на человека в сутки. Необходимо было удостовериться и разобратъ, в чем дело; для этого отправлен был из города полицеймейстер с городским ратманом и казака-

ми. Эти лица нашли на трех баржах, как мы уже сказали, до двух тысяч человек, размещенных на палубах; это были крестьяне разных ведомств, набранные в разных местностях и посаженные на баржи в разных пристанях Волги; у них не было образовано ни артелей, ни избрано десятников, одним словом, все было предоставлено произволу наемных приказчиков, привыкших к известному обращению с народом. Рабочие о причине неповиновения командиру объявили посланным, что нанимавший их для работ на железной дороге доверенный купца Гладина Иван Головкин говорил им при найме, что переезд их до Царицына будет продолжаться до 15 апреля, а с этого дня будут получать жалованье. Во время пути он обязался давать им в пищу черный хлеб с постным маслом и солью, при остановках же в городах покупать ситный хлеб. Так он исполнял условие до Самары. Когда же хотели отчалить от здешнего города, рабочие объявили командиру, что они не пойдут до того времени, пока подрядчик не выполнит условия и что если им дан

хлеб, то без масла и соли, притом негодный, *подернувшийся плесенью и черствый*. Хлеб найден действительно такой, как показывали рабочие; он куплен был приказчиком за шесть дней в Нижнем, тогда как можно было застать более свежим в Казани и других городах. Посланные лица нашли между тем под замком склад весьма хорошего хлеба, и приказчику приказано было тут же удовлетворить справедливую жалобу рабочих – купить масло и соль, выдать свежий хлеб, а испорченный возвратить. Само собою, жаловавшиеся, видя удовлетворение своему делу, нимало не медля согласились продолжать путь и тотчас отчалили. Но этим не ограничивались притеснения со стороны приказчиков. Крестьяне объявили еще полициймейстеру, что они просили спустить на берег хотя одного из них для покупки табаку; но приказчики и этого им не позволяли, желая, чтобы рабочие покупали табак у них по дорогой цене. Так иногда, не разобрав дело, можно дать ему совершенно иной вид. В настоящем случае речь шла о возмуще-

нии и о наказании виновных; а оказалось, что не было и тени возмущения.

В этом известии не только не упомянуто имя г. Кокорева, но даже и вообще ничего не говорится против Общества Волжско-Донской дороги, а только рассказывается поведение приказчика купца Гладина. Но г. Кокорев, прочитав самарское известие, немедленно воспылал любовью к гласности и напечатал в «Московских ведомостях» (№ 132) горячее послание{78}. Мы приведем и это послание, но прежде спросим читателей: как же они понимают сущность дела, изложенного в «Самарских ведомостях»? Нам кажется, что тут разногласий быть не может: рабочим назначен был черный хлеб с солью и постным маслом; и того им не давали: масла и соли вовсе не было, хлеб же был негодный, до того залежавшийся, что покрылся плесенью. Рабочие хотели курить, чтобы хоть этим заглушить голод; им и этого не дали. Вообще приказчики были так грубы и бессмысленны, что при первом удобном случае решились даже обвинить рабочих в бунте, зная, без сомнения, чему несчастные за это могут подвергнуться и ка-

кой ущерб подобная история может сделать самым работам, на которые везли этих людей... Все это ясно из самарского описания; но посмотрите, как на это смотрит и что из этого делает г. Кокорев. Вот его документец:

В № 109 «Русского дневника» заимствовано известие из «Самарских губернских ведомостей» о том, что плывшие мимо Самары рабочие на Волжско-Донскую железную дорогу не получили в Самаре мягкого ситного хлеба (!!!), что им предлагали е пищу хлеб черствый и только черный (!!?) и что во всем этом уличен на месте приказчик подрядчика Гладина, взявшего на себя земляные работы на железной дороге.

По прочтении означенного известия сразу чувствуется прямая польза гласности и потребность поблагодарить редакцию «Самарских губернских ведомостей». Без гласности когда бы мы узнали о том, что рабочие люди, эти двигатели всякого устройства, так плохо содержались во время пути? Если бы у них и был хороший ситный хлеб, то и этого недостаточно. Разве

можно рабочего, едущего на работу (и на какую еще, самую тяжкую, земляную) кормить одним хлебом? Нужно иметь мясо и кашу. Я никак не ожидал, чтобы подрядчик, известный по отзывам рабочих приготовлением хорошей пищи для них, мог так дурно содержать людей в пути. Я буду очень рад, если гласность, не ограничиваясь надзором за путевым содержанием рабочих, распространит свое наблюдение и на места работ. Всякий голос, который раздастся с места о пище и жилищах рабочих и о медицинских пособиях им, принесет свою пользу не только Обществу Волжско-Донской железной дороги, но и вообще русской жизни.

Основывая мое понятие о Гладине на хорошем отзыве о нем рабочего сословия, я хлопотал о том, чтобы подряд остался за ним даже против цен, выпрошенных другими подрядчиками. Не понимаю, как могло случиться, что рабочие плыли без мясной нищи. Я ставлю в вину не одно неимение свежего хлеба, но и неимение мяса. Подрядчик Гладин должен объяснить пуб-

лике свой поступок, а приказчика, провозжавшего партию рабочих и не заботившегося об их продовольствии, уволить. Фамилия его должна быть печатно объявлена, чтобы всякий знал, как называется тот человек, который в состоянии держать на одном черством хлебе своих собратий.

Состоящее в Петербурге правление Волжско-Донского общества, вероятно, выведет наружу все подробности этого дела и огласит их печатно, с показанием виновных. Я пишу эти строки в Москве, а потому не могу сказать наверное, что предпринято правлением. Но получении мною сведения о фамилии виновного приказчика я пришлю дополнение к этой статье в «Московские ведомости».

Письмо это, как видите, написано через месяц после происшествия. Как почетный член правления, как любитель русского человека, г. Кокорев не должен был целый месяц оставаться в неведении о таком вопиющем деле. Посторонние люди, как, например, редакция «Русского дневника», успели разузнать о деле из местных известий и заинтере-

совались им: как же г. Кокореву не следить было за делом, которое, как оказывается, им же было устроено, потому что *он хлопотал*, чтобы подряд остался за Гладиным *даже против цен*, выпрошенных другими подрядчиками!.. Но положим, г. Кокорев «по *многосложности своих занятий*» мог выпустить из виду ход устроенного им подряда... Он же так надеялся на подрядчика Гладина... Но чем объяснить ту невнимательность, с которой прочитал он самарское известие? От чего могло зависеть странное извращение фактов и понятий, находимое нами в письме г. Кокорева? По его словам, самое ужасное во всей истории было то, что рабочие в Самаре (заметьте, не на дороге, а только в Самаре) *не получили мягкого ситного хлеба*. Не правда ли, как это мягко? Не мудрено, что, прибравши такую фразу для выражения мысли о том, что рабочих дорогою кормили *гнилым хлебом, не давая к нему даже соли и масла*, не мудрено, что г. Кокорев «*сразу почувствовал прямую пользу гласности*». В «Самарские-то ведомости» и «Русский дневник» кто-то еще заглянет; а в «Московских ведомостях» в письме с

подписью г. Кокорева всякий прочтет и подивится гуманности этого человека, возмущенного тем, что рабочие получили в Самаре не совсем мягкий хлеб... Но это еще ничего не значит – г. Кокорев приходит в пафос и требует для рабочих *мяса и каши*, прибавляя, что рабочие суть «двигатели всякого устройства». Как жаль, что этот пафос не снизошел на г. Кокорева несколькими месяцами раньше: тогда бы он, может быть, возымел практические последствия. А то ведь письмо г. Кокорева писано 30 мая, когда уже все рабочие были переправлены, следовательно, можно было требовать, чтоб рабочих кормили в дороге дичью, трюфелями, посылали им обеды от Дюссо{79}, с рейнвейном и шампанским: все это ровно ничего уже не стоило, и главное, рабочим-то от этого не было ни сыто, ни голодно.

Далее г. Кокорев энергически требует объявления имени приказчика, «чтобы всякий знал, как называется человек, который в состоянии держать на одном черстве хлеба своих собратий»! Опять та же *мягкость* словесная: главное, видите ли, в черствости хлеба, а гнилость его, а то, что даже масло и соль

не выдавались людям, что их заставляли переплачивать на табаке, что их зверски хотели подвести под кнут, как бунтовщиков, – это все ничего!..

Такие-то свойства гласнолюбия, правдивости и гуманности выказываются в письме г. Кокорева даже при беглом его рассмотрении. Но оно получает еще новую цену по сравнению с известиями, сообщенными впоследствии самим г. Кокоревым в «Русском вестнике» и г. Ал. Козловым на днях в «Северной пчеле» (№ 102, 6 мая){80}.

Нужно сказать, что статья г. Козлова составляет панегирик подрядчику Гладину, и по ее данным он выходит из всего прав, чуть не свят, к вящему, разумеется, обвинению г. Кокорева. В подобных делах, где гласность попадает в такие руки, как у г. Кокорева с братией, где и медведь ревет и корова ревет, рассудить между двумя почтенными лицами бывает, разумеется, трудно. Но мы должны сказать, что статья г. Козлова не имеет прочного значения до тех пор, пока мы не знаем, кто такой этот господин. Из статьи его не видно, участник ли он в работах по железной дороге,

чиновник ли самарский, производивший следствие о мнимом бунте рабочих, приказчик ли, сопровождавший баржи (последнее имеет некоторую вероятность, как сейчас увидим), или просто приятель г. Гладина, как можно думать по двум-трем местам статьи. Нам очень прискорбна эта неопределенность, потому что из-за нее мы не можем давать твердой веры фактам, сообщаемым в статье г. Козлова. Впрочем, надеясь, что он примет на себя ответственность за сообщенные им сведения, мы введем в свой рассказ те данные, которые положительно им утверждаются, как свидетелем и самовидцем.

По словам г. Козлова, г. Гладин, обязавшись поставить 2000 рабочих обществу, вовсе не обязан был принимать на себя их доставление на место. Подрядчик всегда обязывается нанять рабочих и производить им жалованье и харчевое содержание со дня поступления их на работу; более ему ни до чего дела нет. Но Гладин, имея в виду скорейший успех работ и желая в то же время сделать доброе дело, решился доставить рабочих с назначенного сборного пункта к месту работ в Цари-

цын на свой счет. По расчету это должно было стоить Гладину всего-навсего около 30 рублей на человека, то есть на 2000 рабочих до 60 000 руб. сер. Не зная, в какой степени верить г. Козлову, мы не можем решить, как велико тут было действительное великодушие г. Гладина; но основание факта мы готовы допустить: г. Гладин действительно мог хлопотать о скорейшей отправке рабочих и даже для этого жертвовать деньгами, если он знал, как тяжело в волжских степях работать в летние жары и как неизбежны там побеги рабочих в то время, как наступит уборка полей. Он хотел, конечно, выиграть удобство и время для работ и для того пораньше доставить людей на место. Но тут опять является на сцену г. Кокорев.

По некоторым известиям, г. Кокорев состоит в довольно близких отношениях к обществу «Кавказ и Меркурий». Поэтому неудивительно, если произошел факт, о котором г. Козлов рассказывает следующее:

В. А. Кокорев, прослышав о бескорыстном намерении Гладина принять на свой счет отправку рабочих, явился к

нему и с задушевною улыбкою любезно предложил на этот счет услуги общества «Кавказ и Меркурий», выгоды которого были очень близки к левой стороне его филантропии. Вследствие этого было заключено условие, которым общество «Кавказ и Меркурий» обязалось перед Гладиным принять его рабочих на три баржи 15 апреля и доставить их на место, то есть в Царицын, в течение семи дней, к 23 апреля, за 7000 руб. сер.

Выходит, стало быть, что г. Кокорев не только устроил подряд с Гладиным, но даже сам предложил и способ отправления. Тем более должен он был следить за дальнейшим ходом дела, тем заботливее должен был упражнять в этом случае свое гуманное чувство. Но оказалось, что г. Кокорев, заключивши условие с Гладиным и доставив обществу «Кавказ и Меркурий» 7000 руб. доходу с перевозки, считал свое дело поконченным. Вышло не совсем так.

На семь дней пути Гладин заготовил, по словам г. Козлова, на каждого человека по 1 пуду ржаного и 4 1/2 пуда белого хлеба, про-

порция более нежели достаточная даже для 14 дней. Но он не рассчитал на удивительную распорядительность и аккуратность правления общества «Кавказ и Меркурий», недавно в таких ярких чертах изображенного г. Севастьяновым («С.-Петербургские ведомости», № 53), и в особенности на оригинальную деятельность г. Брылкина, управляющего нижегородскою конторою общества{81}. Оказалось, что общество допустило маленькую небрежность: по известию самого В. Кокорева («Русский вестник», стр. 49), г. Брылкин держал в Балахне рабочих 10 (а по уверению г. Козлова – 12) дней, не имея в готовности баржей, которые *должны были быть, по контракту, у берега*. В это время весь хлеб-то заготовленный и съели. Затем, по мнению г. Кокорева, нужно было посылать вперед хлебопеков и кашеваров на места привала, и вся беда произошла оттого, что такого распоряжения не было сделано. Но г. Козлов справедливо возражает, что при запасе хлеба на весь путь о хлебопеках и думать было нечего, потому что хлеб заготовлен был печеный. Хотя это тоже невеселое кушанье – хлеб, заготовлен-

ный на семь дней в теплую весну в низовьях Волги, – но по крайней мере все-таки хлеба *достало бы*, если бы не оригинальное поведение г. Брылкина. И, по всей вероятности, рабочие не стали бы даже претендовать на *черствость* хлеба, которая так возмущает г. Кокорева: им ведь это не в диковинку – всё терпят, бедные. Но им задано было испытание еще лучше: перспектива остаться вообще без хлеба... Тогда-то они и возроптали. Еще в Козьмодемьянске запас весь истощился, и, по словам г. Кокорева, произошло такое обстоятельство: «приваливают, идут за печеным хлебом на базар и находят там только пять пудов». К счастью, г. Брылкин распорядился заготовить здесь 700 пудов печеного хлеба, с которыми рабочие иплыли до Самары. В. А. Кокорев замечает, что «Николай Александрович Брылкин сделал это как бы в покрытие вины своей перед Гдадиным». Но г. Козлов находит здесь повод для следующих острот: «Брылкин, – говорит он, – заботился о заготовке хлеба в Козьмодемьянске, рассчитывая на то, что при таком излишнем простое людей Гладину хлеб понадобится, и его

можно будет спустить с хорошей выгодой. Где же тут покрытие вины, Василий Александрович? Вот если бы вы купили этот хлеб на свой счет да роздали рабочим, это было бы другое дело, а так как за хлеб этот получена с Гладила приличная сумма денег, то вся эта операция не на *покрытие вины*, а на что-то более *винное* смахивает». Несмотря на плоскость этого каламбура, разъяснение того, как г. Брылкин покрывал свою вину пред г. Гладиным, очень любопытно.

До Самары плыли рабочие с хлебом. В Самаре нужно было опять покупать, и опять не найдено достаточного количества хлеба. Это и было поводом к «возмущению» рабочих. Вот что рассказывает об этом г. Кокорев («Русский вестник», стр. 49):

По прибытии в Самару приказчик подрядчика Гладина нашел на рынке только сто пудов печеного хлеба и, закупив его, хотел с ним отваливать, ибо пароход не мог стоять и ждать, пока самарский рынок запасется новым печеным хлебом. Тут рабочие не позволили сняться с якоря, видя, что сто пудов хлеба, то есть 4000 фунтов, со-

ставляет на 2000 человек по 2 фунта на каждого, а плыть с этим запасом до Саратова надо четыре дня.

Так вот до какой крайности доведены были рабочие, вот отчего наконец выказали они *неповиновение*, ужаснувшее приказчика Гладина. Им предстояло питаться двумя фунтами хлеба четверы сутки, а по предшествующему плаванью они знали, что к хлебу им ничего не дастся. После этого с каким умилением должны мы повторять возгласы г. Кокорева о мясе и каше...

И, несмотря на все вытерпенное в пути, рабочие поплыли от Самары с недостаточным количеством хлеба. Приближаясь к Саратову, они, по словам г. Кокорева, *питались жеванием сухой крупы!!*» «Таким образом, – приведем здесь слова статейки г. Альбицкого об этом же предмете («Северная пчела», № 50){82}, – на водах Волги, в виду огромных пространств, засеянных хлебом, в виду многолюдных городов и знаменитых хлебных пристаней, две тысячи народа по человеколюбию и заботливости Общества Волжско-Донской дороги испытали такие бедствия, какие, по благости бо-

жией, редко приходится испытывать и мореходцам на безбрежном океане».

Печатаая в ноябре об апрельском происшествии, г. Кокорев говорил о фактах несколько откровеннее, чем в мае. Но оказывается, что он мог бы поступить гораздо лучше: благодаря тому, что поверку дела производить трудно, он мог бы *все отвергнуть*, как сделал другой поборник гласности, противник г. Кокорева г. Ал. Козлов, Этот почтенный защитник не только Гладина, но и всех его приказчиков, уверяет теперь, через год после события, что все известие «Самарских ведомостей» вздор, что и сами признания Кокорева – произведения его собственной фантазии. По уверению г. Козлова, «вся причина жалоб рабочих заключалась именно в том, что их с 25–50-рублевыми задатками слишком уже тянуло к родному *ельничку-березничку*», куда их приказчики не пускали. Мнение свое г. Козлов доказывает довольно оригинально. Он, употребляет такой силлогизм: если бы рабочих кормили гнилым хлебом, то оказался бы на баржах запас такого хлеба; а между тем при осмотре барж найдены только остатки

черного хлеба с плесенью в руках рабочих, в запасе же гнилого хлеба не найдено, а найден свежий. «Как же это так?» – победоносно восклицает он и переходит к приведенному выше объяснению. Как видите, ни внимательно, ни логикой г. Козлов не может похвалиться. Он не обратил ни малейшего внимания на то, что в Самаре закуплен был хлеб именно потому, что прежний весь вышел и что уже после этого, узнав о недостаточном количестве закупленных припасов, рабочие подняли ропот, объясненный приказчиками как бунт. Так где же могли найтись запасы гнилого-то хлеба и каким образом г. Козлов не понимает, откуда взялся в запасе свежий хлеб, когда у рабочих в руках был гнилой? Хороший адвокат и следователь г. Ал. Козлов – нечего сказать... Далее, в оправдание Гладина и его приказчиков, он объявляет, что «жевание крупы» выдуманно фантазией В. А. Кокорева, ибо во все время плаванья барж с рабочими до Саратова на них «какой бы то ни было крупы ни зерна не имелось». Итак, и крупы не было: даже и жалкий суррогат пищи, представленный г. Кокоревым, исчезает в

оправданиях г. Козлова.

Как, однако же, легко через год отречься от факта, пользуясь тем, что он не во всех подробностях засвидетельствован был формальным порядком! Жаль, что г. Кокорев поторопился с своей гласностью. Впрочем, кто ж ему помешает и теперь сказать, что по тщательном исследовании дела оказалось все дело пухом, выдумкой пьяных мужиков?.. И, право, это не будет ни лучше, ни хуже того, что говорил г. Кокорев в порыве негодования о мясе, о каше, о черстве хлеба. Результаты решительно одни и те же. Жаль только, что г. Кокорев так натужится, чтобы всем показать, какой он любитель гласности и русского человека.

А натуги действительно немалые! В письме, приведенном выше, г. Кокорев старается, между прочим, уверить всю Россию, что он поручил подряд г. Гладину даже в ущерб выгодам общества, единственно потому, что — знал его хорошее обращение с рабочими и общую любовь их к нему. Между тем в своих «Вестях», напечатанных в «Русском вестнике» (стр. 61–62), он приводит такие слова г. Глади-

на, из которых видно совершенно противное. По уверению г. Кокорева, г. Гладин решительно не понимает, как можно даже толковать о неудобстве помещения рабочих на Волжско-Допской дороге. Он, по уверению г. Кокорева, говорил вот что: «Да у меня на Борисовской дороге 15 000 рабочих; подите-ко посмотрите, как они живут в землянках-то осенью по колено в грязи. Да вот я работал шоссе около Бреста, так выпало такое неудачное место, что из семисот рабочих половина померла. Нет, уж тут ничего не сделаешь, коли начнут умирать; а коли не начнут – все хорошо: у меня в Варшаве ноне все здоровы. А вот как пошли по дороге из Питера в Москву, то, чай, более шести тысяч зарыли».

Положим, что ничего этого г. Гладин и не говорил г. Кокореву, как уверяет г. Козлов («Северная пчела», № 102); положим, что он даже никогда и не работал на шоссе около Бреста. Но все равно – ведь г. Кокорев влагает такие слова в уста г. Гладина: значит, у него составилось о Гладине именно такое понятие, какое выражается в этих словах. А иметь такое понятие о человеке и считать его очень

заботливым и добрым для рабочих подрядчиком, это уж такая наивность, которую подзреть в В. А. Кокореве мы даже не имеем права. Чем же мог так понравиться г. Гладин г. Кокореву? Неужели тем, что «рабочие отзываются о Гладине как о человеке хорошем, только приказчиками его недовольны и так мало верят им, что боятся даже за свой расчет»? Ведь это значит, что Гладин просто злодей и губитель своих рабочих: самому ему все равно, мрут люди, так мрут, так видно, надобно; здоровы, так ладно, – место, видно, хорошее... А приказчики у него постоянно такие, что от них житья нет; гнилым хлебом кормят, в бунте обвиняют, расчет задерживают, ставят на работах казаков с саблями и нагайками... Это все к Гладину не относится: он человек добрый, и г. Кокорев нарочно хлопочет, чтобы подряд остался именно за ним... Чем объяснить такую невинность г. Кокорева? Неужели тем, что в его положении очень выгодно защищать всякого главного распорядителя, сваливая всю вину на подчиненных? В свою очередь, и г. Кокорев должен быть так же точно оправдан и восхвален, несмотря на

все вопиющие ужасы, которые совершаются в подведомых ему делах... Ведь не он сам делает все эти ужасы; он, напротив, человек добрый – хлопочет о мясе для рабочих, а не только о хлебе: он даже и популярность между ними приобретает, ибо раздает им полушубки, взятые из кладовых Гладина же («Северная пчела», № 102). А в какой степени зависят от него все беспорядки, притеснения и мерзости, совершаемые другими в его ведении и в его интересах, до этого кто же станет добираться...

Но великодушию г. Кокорева нет никаких пределов, а самобичевание посредством гласности сделалось у него чем-то вроде хронической болезни. Бывают, говорят, организмы, чувствующие особенный страстный трепет от удара плетью или розгами; такой же сладкий трепет и возбуждение ощущает, по-видимому, г. Кокорев от оглашения какого-нибудь из своих недостойных поступков. Так и в настоящем случае: доказав очень ясно, почему и для чего выбрал он Гладина и почему на него положился, он вдруг переходит к самообличению в таком тоне:

В непредусмотрительной перевозке рабочих нельзя, по совести, обвинять подрядчика Гладина: он руководствуется прежним образом действий и не может иметь понятия о требованиях новых (то есть кормить рабочих не гнилым хлебом – это новое требование (!!!), за исполнение которых должно отвечать правление, – и я, разумеется, разделяю вину с прочими, как учредитель. Мы считаем себя умнее, образованнее подрядчиков (вольно же вам!), следовательно, мы и должны были подумать, как бы перевезти рабочих без всяких затруднений{83}.

Видите, какое смирение, какая готовность обвинить себя! Конечно, говорит, это, собственно, не наше дело; но мы так умны, так проникнуты новыми требованиями, что должны бы взять на себя труд наблюдать за действиями меньших братьев (то есть подрядчиков), которым недоступны новые требования. Мы этого не сделали, и мы виноваты: казните нас за то, что мы умнее других...

Так говорит г. Кокорев; но чтобы вы в самом деле не подумали, что он виноват, он

сейчас находит другую, весьма уважительную причину, от которой произошли все бедствия рабочих и которая от него уже решительно не зависит. Вот эта причина:

Затем многие неудобства надобно отнести к неимению на Волге телеграфа, при котором всегда бы можно было телеграфировать о заготовлении не только печеного хлеба, но и мяса{84}.

Причина эта никому не приходила в голову, но для г. Кокорева она служит полнейшим оправданием. Как человек европейский, привыкший к *новым требованиям*, он воображал, разумеется, что на Волге есть телеграф, по которому если нельзя пересылать хлеба, то можно по крайней мере «телеграфировать о заготовлении *не только печеного хлеба, но и мяса*». В этой сладкой уверенности он и не подумал обратить свою заботу на заготовление *не только мяса, но и печеного хлеба*. Как же вы хотите иначе? Передовой человек, он не может никак свыкнуться с невежеством и грубостью наших нравов. Телеграфов нет! Фи! Да как же после этого удивляться, что люди сидят без хлеба, хворают от того и мрут в

несоразмерном количестве! О невежественные россияне! Заведите прежде телеграфы по Волге и тогда уже претендуйте на свежий хлеб, на соль и постное масло!..

Впрочем, справедливость требует заметить, что г. Кокорев, как друг профессора Погодина, и здесь не изменяет высокому чувству патриотизма: он понимает, очевидно, не иностранные телеграфы, а российские, которыми известия передаются на расстоянии, например, 1000 верст два, три, иногда шесть, а иногда даже и девять дней. Что именно о таких телеграфах хлопочет г. Кокорев, это видно из соображения быстроты собственных его действий. Письмо о самарском происшествии и о приказчиках Гладина писано им 30 мая; а затем подробнейшее исследование дела было им произведено только в половине июля, через полтора месяца, когда он сам приехал в Царицын. При этом оказалось, что положение рабочих вполне плохо; значит, для них ничего не было сделано ни обществом, ни г. Кокоревым с тех пор, как благотворительная гласность обнаружила их бедствия. Да и что же было еще делать? Написали в газетах гуман-

ное послание, с азартом, с новыми требованиями... Чего же еще? Дело-то делать? – это еще погодите, это впереди. А нынче —

*Нынче время не такое:
Процветает гласность {85}.*

Голодали рабочие дорогой: через месяц это было любопытным предметом для гласности. Хворали и мерли люди на работах все лето: в конце июля г. Кокорев сочинил «Царицынские записки», а в ноябре напечатал всю историю своей поездки в «Русском вестнике», этом знаменитом поборнике гласности. И прекрасно: мы очень довольны!..

А что нашел г. Кокорев на работах и что он сделал там? Хотите знать, так мы расскажем и это, только вкратце, потому что не след вводить в «Свисток» такую материю во всем ее ужасе.

По прибытии в Царицын рабочие опять голодали, потому что «скудный царицынский рынок не мог удовлетворить спросу». Для рабочих буквально *ничего* не было заготовлено, и даже главная царицынская контора с управляющим своим г. Позенковским прибы-

ла в Царицын через три недели после рабочих. Все это время рабочие должны были обходиться собственными средствами – сами устраивали себе балаганы, кухни, кладовые для провизии... Тут же и начались болезни. Царицынская контора принялась писать в контору подрядчика разные предписания об устройстве лазаретов и пр., но сама ничего не делала и только, по прекрасному выражению г. Кокорева, «насмехалась над священными обязанностями человеколюбия, которые в этом случае совпадают с выгодами общества». Действительно, выгоды общества соблюдались бы тут лучше, если бы рабочих не так пренебрегли; а то, по свидетельству г. Кокорева, в первый же день по прибытии на место у Гладина ушло 300 человек! Господин Козлов, разумеется, негодует за это на рабочих и приписывает их бегство желанию зажилить полученный задаток и получить хорошие заработки у донцов на сенокосе. Но нетрудно сообразить, какую роль играло в этом случае бедственное положение рабочих по прибытии в Царицын, после питания жеванием крупы...

Наконец, по словам г. Кокорева, рабочие устроились. Вот некоторые указания на то положение, в каком находились они около половины июля, когда посетил их гласнолюбивый и гуманноречивый почетный член правления:

Рабочие живут в выкопанных в земле ямах; в ямах этих устроены по обеим сторонам нары, и на них нет ни соломы, ни рогожек; под боком доска, в голове кулак (стр. 50).

Шалаши сделаны с такой же небрежностью, низки, тесны и без отверстий для воздуха. Шалашей сделано мало: по 20 человек лежит в каждом из них, а когда число заболевших возрастает и привозят новых людей, им приходится лежать на земле и ждать, пока не состроят нового помещения, а в таком случае постройка идет скорая и кое-как. Нет соломы, нет рогож и войлоков, чтобы смягчить для больного ложе. Некоторые лежат на мешках с сеном, а больше на своих же шубах (стр. 51–52).

Распорядители нашли нужным раставить военных казаков по всем

пунктам пребывания рабочих, и даже около лазарета стоят два казака с саблями и нагайками (стр. 53).

Конопляное масло во многих местах горькое. Бойня для скота одна; с нее приходится возить мясо за двадцать пять верст, отчего оно при здешних жарах может подвергнуться порче. На 59-й версте, где находится триста человек рабочих, оказалась овсяная крупа дурной выделки: в ней много овса. На 48-й версте мы нашли очень дурной горох, черный, неразваривающийся и жидкий (стр. 55).

Больных возят на одной телеге четверых, по пыльной, знойной степи, за 25 верст. Лазарет – просто собачьи конуры (стр. 56).

Такие сведения дает сам г. Кокорев, а мы уже видели, как в его устах самые страшные вещи смягчаются, когда он этого хочет. Впрочем, в настоящем случае он, может быть, и не смягчал ничего, потому что вслед за указанием зла он везде предписывает и лекарство. Правда, он сам справедливо замечает, что все это «прилично было бы говорить в феврале, а не в июле» (стр. 57); но, с другой стороны, от-

чего же и в июле не поговорить? Это избавит нас от обязанности говорить о том же в следующем феврале. Февраль мы промолчим, а там в июне, июле или августе опять примемся с припевом: «еще в июле прошлого года говорил я...»

Есть, правда, и маленькие недоразумения в «Записках» В. А. Кокорева. Например, он уверяет, что прежде у рабочих солонина была не всегда свежая, а с петрова дня солонину заменили свежим мясом. При этом г. Кокорев благодарит «Саратовские ведомости», обнаружившие гнилую солонину: {86} «здесь опять видна польза гласности», – опять прибавляет он, как школьный учитель, задолбивший один афоризм и беспрестанно, кстати или некстати, огорошивающий им своих питомцев. Мы, разумеется, приходим в восторг от твердости г. Кокорева в своем принципе; но вдруг находятся люди, утверждающие, что здесь у г. Кокорева гласность является с своим особым способом выражения, точно так, как и в рассказе о не совсем мягком хлебе. Так, г. Альбицкий в «Северной пчеле» (№ 50) сильно преследует г. Кокорева и на солонине, и на

гласности, и на мясе. Мы приводим его соображения, так как они довольно остроумны.

В «Саратовских ведомостях», – говорит г. Альбицкий, – было сказано, что рабочие бедствуют, что их кормят протухлой говядиной, из которой вываливаются черви. Статья эта не перешла почему-то в столичные газеты, а губернские ведомости кто же читает? Вот и ловко было Василию Александровичу, говоря, что «введением свежего мяса рабочие немало обязаны «Саратовским ведомостям», и возлагая на общее собрание акционеров обязанность благодарить редакцию этой газеты за обнаружение невнимания к рабочим, – сказать публично неправду». «Саратовские ведомости» говорили, что рабочие едят протухлую говядину с червями, а Василий Александрович сказал, что рабочих кормили «солониной, которая была не всегда свежая, а каша была из пшена, которую по привычке (?) вовсе не ели». Что же они ели? На 51 странице статьи своей он замечает, что «главная причина развития хворости и трудного излечения больных – вода». Не черви ли с

говядиной да не каша ли, из такого пшена сваренная, что и умирающий от голода ее есть не в состоянии?

Впрочем, вот как объясняют разногласие Василия Александровича с «Саратовскими ведомостями».

Василий Александрович говорил, что рабочих в мясоед от пасхи до петрова поста кормили солониной, которая, по отзыву их, была не всегда свежая, а каша была из пшена, которую по непривычке вовсе не ели.

Но «Саратовские ведомости» говорят об июльском мясоеде, продолжающемся от петрова дня до первого спаса.

На этот мясоед Василий Александрович пшенную кашу заменил гречневой, а гнилую солонину свежим (?) мясом (стр. 51).

Это-то самое свежее мясо и было с червями, как говорят «Саратовские ведомости», редакцию которых верный и неизменный поборник гласности Василий Александрович счел долгом благодарить за такое правдивое извещение.

Следовательно, разногласия Василия Александровича с «Саратовскими ведомо-

мостями» нет. Ясно, что он распорядился заменить для рабочих гнилую солонину протухшим мясом с червями.

В 9-м параграфе «Памятной записки», данной г. Кокоревым г. Головкину и напечатанной в «Русском вестнике», происхождение червей объясняется весьма естественно. «Бойня для скота одна, – говорит Василий Александрович. – С нее приходится возить мясо за двадцать пять верст, отчего оно при здешних жарах может подвергаться порче. Мясо (приказывает он) развозить покрывши». Везти мясо более чем двадцать пять верст надо целый день, ведь не на почтовых же его возили. При царицынских жарах было бы неестественно, если б не завелись черви в говядине, остающейся целый день на солнце непокрытой и обклеенной муриадами мух.

Впрочем, и больных рабочих по четверо в одной телеге, не защищенных ничем от страшного солнечного припека, там тоже возят за двадцать пять верст (№ 15 «Памятной записки»).

Так зачем же было говорить: «теперь

солонина заменилась свежим мясом, которое получается с бойни скота, особо устроенной посреди линии»? И зачем это сокращать расстояние провоза мяса? Вы говорите, что бойня устроена на середине линии. От бойни в один конец везут говядину за двадцать пять верст. Следовательно, оба края линии друг от друга за пятьдесят верст. А в 10-м № «Памятной записки» вы говорите, что на пятьдесят девятой версте, где было 300 рабочих, вы нашли дурную крупу. Стало быть, непокрытую говядину везли не за двадцать пять, а за тридцать верст, да, может быть, и больше».

Из замечаний г. Альбицкого вытекает весьма естественное заключение, что деятельность г. Кокорева на работах Волжско-Донской дороги была не так благотворна, как он сам желает это представить. По крайней мере насчет мяса почтенный сотрудник «Русского вестника» расписался так же неудачно, как и насчет мягкого хлеба в Самаре. Но все это ничего не значит в сравнении с *винной порцией*, изобретенной г. Кокоревым

для процветания здоровья рабочих. Вот где геркулесовы столбы гуманности г. Кокорева и Общества Волжско-Донской дороги – кого именно, разобрать, впрочем, нельзя. Дело видите в чем. Г-н Кокорев, описывая разные улучшения, сделанные им и г. Мельниковым, упоминает о приглашении *содержателя трактира Добровольского для доставления вольным чаю два раза в день* (зачем тут *содержатель трактира*, тоже мудроно понять) и потом говорит; «затем *общество распорядилось* выдавать всем рабочим на линии по чарке водки каждодневно, перед ужином». Тотчас нашлись зложелатели, которые начали уже уверять, что эта винная порция назначена, собственно, в пользу царицынского откупа, содержимого самим же г. Кокоревым («Северная пчела», №№ 50, 102). Этому бы и можно поверить, если бы мы не знали великодушия г. Кокорева; но благодаря благодетельной гласности мы очень хорошо знаем этого великого русского мужа. В настоящем случае дело имеет даже весьма трогательный вид: г. Кокорев, владелец одной трети акций общества, спорит с двумя другими о велико-

душии. В статье, напечатанной 28 ноября, он говорит: «общество распорядилось выдавать по винной порции», а в «Обзоре действий», вышедшем в то же самое время, правление общества говорит: «для поддержания сил рабочих, по совету медиков, В. А. Кокорев назначил на свой счет ежедневные выдачи винных порций людям, работавшим в пределах Царицынского уезда, а правлением сделано такое же распоряжение относительно прочих землекопов, работавших в земле Войска Донского». Не умилительно ли? Г-н Кокорев говорит, что общество покупает водку для рабочих, и другие то же подтверждают, а правление скромно отклоняет от себя такое великодушие и прославляет г. Кокорева, дающего людям водку на свой счет!.. Как любопытно было бы узнать, кто кого победит в великодушии, то есть кто заплатит за водку?..

Впрочем, один ли был великодушнее второго или другой великодушнее первого, не в этом дело, а в том, какие последствия развились от винной порции. В половине июля, до назначения чарки, больных, по словам самого г. Кокорева, было 140 да умерших 40. После

того число больных стало быстро возрастать и доходило, по словам г. Козлова, до 600 человек – цифра на 2000 человек, в самом деле, ужасающая! Г-н Козлов делает при этом такое замечание: «давать винную порцию рабочим при 15° – 20° мороза – вещь полезная; по полезно ли делать то же самое при 45° жару – предоставляем решить врачам».

Да ведь винная порция и прописана была г. Кокоревым «*по советам медиков*»? Да, может быть; но тут опять идет своего рода история. Лекарь Шерганд оказывается каким-то фаворитом г. Кокорева. По уверениям г. Козлова, *сам г. Кокорев* заменил врача, определенного обществом (за 3000 руб. сер. в год), другим врачом, более дешевым (1200 руб. сер.), а главное – ему одному известным, г. Шергандом. Несмотря на свою дешевизну, врач этот, по мнению г. Кокорева, был превосходен и, как видно из «Записки», «вполне соглашался» с мерами, предлагавшимися г. Кокоревым. С своей стороны, и г. Кокорев заботился о нем и требовал от приказчика Гладина, чтобы он «дал доктору Шергаиду в его распоряжение пару хороших лошадей с легким

гарантасом и кучером». Зато и деятельность доктора была неутомима: подумайте в самом деле, взять на себя 600 пациентов, растянутых на шестидесятиверстной линии! Это стоит чего-нибудь! Г-н Козлов выражает мнение, что доктор Шерганд, видя такое странное развитие болезней, должен был непременно и *официально* пригласить на линию для консилиума других врачей. Но зачем же это, когда г. Шерганд и один справлялся? Да притом еще нужно заметить, что совсем больных и слабых часто отпускали с работ домой. Так даже в «Памятной записке» г. Кокорева приказчику Гладина сказано, что следует отпустить домой, в *Тверскую губернию*, пятерых рабочих: трех стариков, одного слабого ногами и одного переломившего себе спинную кость... При таком заведении под покровительством гуманного гласнолюбца да без всякой ответственности перед кем бы то ни было, отчего не лечить всех одному? Умрут бедняки, не велика беда – плакать некому. Ежели и узнают-то об этом родные умершего, так и то лишь по милости г. Кокорева, который в № 19 своей памятки чужому приказчику набожно

заповедует: «об умирающих надобно извещать их семейства, посылая письма в деревни, дабы там поминали их по долгу христианскому». Вот до чего доходит любовь г. Кокорев «к простому, серо одетому русскому человеку» («Русский вестник», стр. 61).

Что же, однако, сделал г. Кокорев для упрощения благосостояния рабочих? Какой результат можно вывести из всех «Царицынских записок» и «Вестей»?{87} Это уже сделано весьма добросовестно в статье г. Альбицкого, из которой мы и берем оконченные выводы.

Для устранения зла Василий Александрович сделал следующее:

А. Относительно больных.

1) Учредил от общества чай по два раза в день.

2) Больных тифом отделил от других.

3) Старался удалить двух казаков, представленных с саблями и нагайками к лазарету («Русский вестник», 1859, № 21, стр. 53), но не был в состоянии устранить такой новый метод лечения. Этот метод, по всей вероятности, принадлежит тому же Гладину, ибо на 59 стр. Василий Александрович

говорит, что он, по контракту, обязался содержать лазареты.

4) По причине недостатка одного лазарета устроил другой.

5) Так как больные валялись на земле даже не на соломе и не на рогожке, распорядился купить рогожки и сделать больше шалашей с койками для больных, так как заготовленных лазаретом шалашей оказалось весьма недостаточно, вероятно по причине той развившейся хворости, о которой Василий Александрович говорит в другом месте.

Б. Относительно здоровых.

1) Приказал варить протухлую говядину с червями вместо гнилой солонины.

2) Заменял пшеничную кашу, которой рабочие не ели, гречневой, которую, однако, заменяли в иных местах дурным, черным, неразваривающимся горохом и крупой с неободраным овсом.

3) Назначил на счет общества винную порцию по стакану перед ужином. Водку берут из кабаков царицынского откупа, содержимого Василием Александровичем.

4) Написал к г. Головкину, что надо бы

дать рабочим одежду – ведь они пойдут домой осенью и доберутся до домов 10 декабря, а у них нет ни одежды, ни обуви. Исполнил ли это нежно любимый рабочими г. Гладин – неизвестно.

5) Написал к г. Головкину, что на зиму остается 500 рабочих в степи без зимних квартир, на морозе, и что поэтому надо подумать о квартирах. Думал ли г. Головкин – неизвестно.

6) Но если они перемерут, то непременно известить о том их семейства, посылая письма в деревни, дабы там поминали их по долгу христианскому.

7) Купил в Одессе шесть колоколов для рабочих.

8) Отпустил домой, в Тверскую губернию, двух рабочих по старости, одного по преклонной старости, одного по слабости ног и одного переломившего спинную кость (!!!). На которой станции от Царицына они умерли – нам неизвестно.

9) Учредил особую должность смотрителя за лазаретами и за сбережением силы рабочих.

Прибавим к этому, что относительно одеж-

ды, обуви и зимних квартир рабочим – так и до сих пор ничего не известно. Благодетельная гласность умаялась предшествовавшими похождениями и теперь молчит.

Не молчат только «Саратовские губернские ведомости». Они еще в феврале делали новое извещение о побегах с работ Волжско-Донской дороги, и притом в такое время, когда вовсе нет соблазнительных заработков в лугах у донцов{88}. В числе бежавших были преклонные старики: отчего бы, кажется, этим-то бежать? Им только нужно беречь свои силы; а г. Кокорев на царицынских работах сочинил даже особую должность «смотрителя за сбережением силы рабочих» и определил в эту должность некоего г. Милашевича, замечательного тем, что «из длинного ряда его писем к г. Кокореву можно ознакомиться со всеми затруднениями, представляющимися при исполнении предприятий в отдаленных местностях». Как видно, и этот господин служит тоже спасительной гласности, и мы скоро, может быть, будем иметь удовольствие читать его письма в «Русском вестнике» рядом с письмами г. Матиля об Америке и ста-

тъями г. Фердинанда Кона о розах{89}.

А в чем же состоят затруднения? Г-н Кокорев этого не объясняет; но дело говорит само за себя: как же, помилуйте! во-первых, телеграфов нет; во-вторых, г. Брылкин вместе с «Кавказом и Меркурием» ставит ни во что заключенные контракты; в-третьих, мяса, мяса вареного, мяса не дают рабочим; в-четвертых, казаки с нагайками присутствуют на работах; в-пятых, вода; в-шестых... да уж что и говорить в-шестых? Одна вода чего стоит!.. По мнению г. Кокорева, по мнению «самого доктора (Шерганда?), главная причина развития хворости и трудного излечения больных (по царицынским работам) – *вода и непременно вода...* Г-н Козлов сострил по этому поводу, что для устранения губительности воды надо вставить в нее первую букву фамилии г. Кокорева. Но г. Кокорев не на шутку так поступил с водою и рабочими, только результаты были плохие.

А кроме того, какое затруднение для благотворительных предприятий г. Кокорева представляет неразвитость и апатия окружающей среды! «Сами рабочие не понимают своей

пользы, – говорит г. Кокорев, – подрядчики соблюдают свои выгоды, а инженеры считают своею обязанностью заботиться только за исполнением работ сообразно с чертежами. *Здесь возникает вопрос:* виноваты ли инженеры за то, что они не требуют от подрядчика энергически улучшения быта рабочих? Задавши такой законодательный вопрос, от разрешения которого может зависеть по малой мере увольнение инженера от должности, г. Кокорев меланхолически продолжает: «Я думаю, что виноваты не они, а система нашего воспитания, внушающая равнодушие к простому русскому человеку; многие у нас считают как бы посторонним то, что должно бы быть близко их сердцу» («Русский вестник», стр. 52). В другом месте статьи почтенный мыслитель тоже жалуется на то, что «всему мешает рутина и недостаток любви к простому, серо одетому русскому человеку» (стр. 61). Да, с последним нельзя не согласиться, история рабочих Волжско-Донской дороги доказывает это лучше всех разглагольствий.

А между тем при этом жалком и ужасном способе ведения дела не угодно ли знать,

сколько истрачено денег собственно на административную часть предприятия? 141 000 руб. сер., то есть десятая часть всех бывших расходов, и в этом числе по управлению собственно работами железной дороги издержано 55 825 руб. да, кроме того, на жалованье директоров и других служащих и т. п. израсходовано 52 000. И это – не забудьте – в том обществе, один из учредителей которого и владелец целой трети акций постоянно шумит против *форменности* и *бюрократизма* и прославляет *деловое коммерческое* ведение предприятия! Не знаем, хорошая ли это коммерция для г. Кокорева, но для «двигателей всякого устройства», как он выражается, она должна быть не более приятна, как и благодетельная гласность, пользу которой «сразу чувствует» г. Кокорев.

Что же? Теперь опять весна, опять близится лето... Не узнали мы, что сделано с рабочими осенью и зимой; может, не узнаем ли, что с ними будет в предстоящее лето? Г-н Кокорев давно уже не печатал о благодетельной гласности: это добрый знак. Может, так выдастся лето, что г. Кокорев нынче и в Царицын не

поедет, и рабочие винной порцией обольщаться не будут и даже работать станут без казаков с нагайками? Аль где уж?..

Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию

Прежде всего воскликнем с Карамзиным:

*Ах, не все нам слезы горькие
Лить о бедствиях существенных;
На минуту позабудемся
В чарованьи красных вымыслов!
{90}*

Успокоившись таким авторитетом, обращаемся к делу и рекомендуем читателям юное дарование, которое может, как говорит г. Григорьев о г. Случевском, или распасться прахом, или оказаться силою, новой, великою силою{91}. Собственно говоря, мы не знаем, как думать о юном поэте и помещать ли его в «Современнике» или в «Свистке»; но решаемся на первый раз лучше в «Свистке»: а то в «Современнике»-то большею частью как-то несчастливы бывают – через два-три месяца уже не могут концы с концами свести... В

«Свистке» не то: посмотрите, как твердо г. Ли-
лиеншвагер стоит на своем пути!.. А юное да-
рование г. Капелькина будет поразнообраз-
нее таланта Лилиеншвагера. Да вот, прочи-
тайте и судите.

Мы и письмо поэта печатаем, не скрывая
его юношеской наивности: гласность, так уж
гласность, полная, безусловная.

* * *

Милостивые государи!

Мне 20 лет. Я с юных годов одержим невы-
носимую любовью к поэзии. 12-ти лет я уже
писал весьма хорошие стихи. Вообще я раз-
вился весьма рано. Вот первое стихотворение,
которое я счел достойным печати: я написал
его, будучи 12-ти лет.

Первая любовь{92}

*Вечер. В комнатке уютной
Кроткий полусвет.
И она, мой гость минутный...
Ласки и привет;*

*Абрис миленькой головки,
Страстных взоров блеск,
Распускаемой шнуровки
Судорожный треск...*

*Жар и холод нетерпенья...
Сброшенный покров...
Звук от быстрого паденья
На пол башмачков...*

*Сладострастные объятья,
Поцалуй немой —
И стоящий над кроватью
Месяц золотой...*

1853

Это стихотворение попало отцу моему, и он, признаюсь вам, чуть меня за него не высек. Напрасно уверял я его, что ничего подобного не видывал и не чувствовал, что это все есть подражание разным поэтам (я никогда не подражал ни одному): отец не хотел верить — так велика была сила таланта и живость изображения предмета!..

Но как ни уверен я был в своем даровании, а перспектива быть высеченным вовсе мне не нравилась, и я немедленно переменял род своей поэзии. В то время наше отечество боролось с англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами об огромности России и о высоком чувстве люб-

ви к отечеству. Я увлекся и написал следующее стихотворение:

Родина великая{93}

*О, моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!*

*Как широко ты, родная, раскинулась,
Как хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во все концы мира раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!*

*Нет во вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяжение:
С полюса тянешься ты до экватора,
Смертных умы приводя в изумление.*

Ты занимаешь пространство без-

мерное,
Много обширнее древнего Рима
ты.
Русской земли население верное
Чувствует всех поясов земных
климаты.

Реки, озера твои многоводные
Льются, подобно морям, беско-
нечные;
Необозримы поля хлебородные,
Неизъяснимы красы твои вечные!

Солнце в тебе круглый год не за-
катится,
Путник тебя не объедет и в три
года:
Пусть ямщикам он на водку по-
тратится —
Только лишь откупу будет тут
выгода...

О, моя родина, богом хранимая!
Сколько простору в тебе необъ-
ятного!
Сколько таится в тебе, о роди-
мая,
Неизъяснимого и непонятного!..

За это стихотворение отец похвалил меня, и я после того написал еще десятка четыре подобных пьес. Но признаюсь, ни одно из них не может сравниться в звучности с вышеприведенным. Поэтому я и не сообщаю их вам, а перехожу к новой эпохе моей поэтической деятельности.

В 1854–1855 отечество наше было в печальном положении: военные неудачи, обнаружение внутренних неурядиц, все это терзало сердце истинного русского и вводило его в мизантропию. И я действительно предался мизантропии, разочаровался; все мне опостылело, и я произвел следующую пьесу:

Куда деваться?

*От людской любви и дружбы
В лес дремучий я бежал,
Стал кореньями питаться,
Мыться, бриться перестал.*

*С отверженьем и проклятьем
Я в лесу один брожу.
Но увы! здесь снова дружбу
И любовь я нахожу.*

Солнце с неба дружелюбно
На меня бросает луч;
И поит меня с любовью
Меж дерев бегущий ключ.

Соловьи поют влюбленно,
Лобызаются цветы,
И блестят любви слезою
На деревьях все листья.

Дружно по небу гуляют
Золотые облака,
И грозит любовь и дружба
Мне из каждого сучка...

В каждой травке, в каждой мош-
ке,
В каждой капельке росы
Обитает дух незримый,
Полный ангельской красоты.

И старается мне сердце
Чувством нежным размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Целый век мой отравить...

И в лесу, в борьбе тяжелой,
Силы падают мои...

*О, куда ж, куда сокроюсь
Я от дружбы и любви?*

1855

Вы угадываете, чем разрешилось это мизантропическое настроение? Любовью, самой пылкой любовью – страстью до того пламенной, что я не знаю, как еще я не сгорел совсем. Тогда-то производил я по 7 ½ стихотворений в день круглым счетом; с особенною силою выразилась страсть в следующем стихотворении, которое я считаю вполне достойным печати:

Причина мерцания звезд

*Как твои уста в веселом разгово-
ре,
Чуть смыкаясь, снова открыва-
ются;
Как любовь и радость в этом
светлом взоре
Перелетным блеском разгорают-
ся;*

*Так на светлом небе в этот миг
мерцают
Купы звезд, живые, разноцветные.
Иль в любви и звезды глазками иг-*

рают
И друг другу речи шлют привет-
ные?..

Иль любовью нашей с неба голубо-
го
Хоры их приветливо любуются?
Иль в виду избытка счастья зем-
ного
Их лучи завистливо волнуются?

Нет, любви дыханье так во мне
широко,
Так из груди сильно вырывается
И, раздвинув воздух, так летит
высоко,
Что эфир далекий колыхается,

И с его напором звездные громады
В дружное приходят колебание...
Оттого-то в ночи неги и отрады
Веселей и чаще их мерцание...

1856

Но скоро любовь моя прошла, или по край-
ней мере, сделавшись больше и приобре-
тя серьезный взгляд, я перестал уже тратить
драгоценное время на описание любовных

чувств. Вокруг меня волновалась общественная деятельность, все было полно новых надежд и стремлений, все озарено было самыми светлыми мечтами. Весь мир представлялся нам в радужных красках. В таком настроении услышал я однажды заунывную крестьянскую песню. У меня тотчас родился вопрос: «Отчего же она уныла, когда все кругом так весело?» – «Нет, – сказал я сам себе, – я должен во что бы то ни стало отыскать в ней веселые звуки». И представьте силу таланта – отыскал! И не только отыскал, но и воспроизвел! В Москве говорили, что недурно. Что вы еще скажете? Вот эти стихи:

Существенность и поэзия{94}

*Знаю вас давно я, песни заунывные
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдруг звуки радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я с полей!*

*Пусть всё те же песни – долгие,
тоскливые,
С той же тяжелой грустью – пахарь наш поет.*

Долю его горькую, думы терпели-
вые
Пусть напев протяжный мне пе-
редает.

Но в восторге сердца, под святым
влиянием
Гласности, прогресса, современ-
ных дум{95},
Полн благоговенья к светлым на-
чинаниям,
Жадно всюду внемля новой жизни
шум, —

Не хочу я слышать звуков горькой
жалобы,
Тяжкого рыданья и горячих слез...
Сердце бы иссохло, мысль моя
упала бы,
Если б я оставил область сладких
грез...

Все светло и благо, все мне улыба-
ется,
Всюду дней блаженства вижу я
залог, —
И напев тоскливый счастьем от-
зывается,

*В грустной песне льется радости
поток.*

*Пусть все те же песни наши за-
унывные,
Но не то уж слышно в них душе
моей:
Слышу я в них звуки радост-
но-призывные,
Чую наступленье новых, светлых
дней!..*

1857

Вслед за тем у меня родилась потребность
самому быть общественным деятелем, и я
изобразил свое настроение в нескольких
звучных пьесах, из коих вот одна:

Общественный деятель{96}

*Я ехал на вечер. Веселыми огнями
Приветливо сиял великолепный
дом:
Виднелась зала в нем с зелеными
столами.
И бальной музыки из окон несся
гром.*

А у ворот стоял, болезненный и

бледный,
С морозу синий весь, с заплакан-
ным лицом,
В лохмотьях и босой, какой-то
мальчик бедный
И грошик дать на хлеб молил ме-
ня Христом.

Я бросил на него взор, полный со-
страданья,
И в залу бальную задумчиво во-
шел,
И детям суеты, среди их ликова-
нья,
О бедном мальчике печально речь
повел.

В кадрилих говорил о нем я девам
нежным;
Меж танцев подходил я к карточ-
ным столам;
Восторженно взывал я к юношам
мятежным
И скромно толковал почтенным
старикам.

Но глухи были все к святым моим
призывам...

*И проклял я тогда бездушный
этот свет
За то, что он так чужд возвы-
шенным порывам, —
И тут же мстить ему я дал себе
обет.*

*Я скоро отомстил: за ужином ве-
селым,
Лишь гости поднесли шампанское
к губам,
Я тостом грянул вдруг, для их
ушей тяжелым:
«Здоровье бедняка, страдающего
там!»*

*И показал я им на улицу рукою.
Смутились гости все, настала
тишина.
Не стали пить... Но я – я пил с
улыбкой злою,
И сладок для меня был тот бо-
кал вина!..*

1858

Но вы сами знаете, как тяжело бороться
против общественной апатии, безгласно-
сти, мрака предрассудков. Я все это изведal

горьким опытом, и вот как выразилось мое
новое, общественное разочарование:

Рыцарь без страха и упрека

(Современная элегия){97}

Исполняясь мужества и помолвившись богу,

*Я рано выступил в опасную доро-
гу.*

*Тропинка узкая лежала предо
мною,*

*Сливаясь при конце в какой-то
мрак густой.*

*Безмолвна даль была, как темная
могила;*

*Высокая трава лишь с ветром го-
ворила,*

*Да слышалось вдали, вводя меня в
тоску,*

*Кукушки горестной злоеющее ку-
ку.*

*Я был один, один... вокруг ни души
живой...*

*Но я пошел вперед отважною
стопой!*

*Мне в платье яростно вонзался
терн колючий,*

Я ноги обжигал себе крапивой

жгучей,
Ложилась пыль на мне от каждо-
го куста,
И паутина мне садилась на уста;
Но я все шел вперед, свой страх
превозмогая,
О цели странствия прилежно раз-
мышляя.
А путь – чем далее, тем делался
страшней:
Жужжали вокруг меня десятки ос,
шмелей;
Над головой моей кружились вере-
ницы
Какой-то скаредной и безобразной
птицы;
И что-то длинное, подобное змее,
Узрел вдруг на своей я темной ко-
лее...
И страх меня объял... Стал день
мрачнее ночи,
Упал я на траву, смежив в испуге
очи...
И долго я лежал недвижно, как
мертвец;
Но смирно было все, и встал я на-
конец.
Взглянул окрест себя: природа

улыбалась,
Все солнцем радостно и ярко оза-
рялось;
Кузнечик стрекотал и прыгал по
траве,
И птички реяли в воздушной сине-
ве,
Порхали бабочки на солнечном
сияньи,
И в воздухе несло цвет благо-
уханье.
А то, что мне змеей представила
мечта,
То кем-то брошенный обрывок
был кнута...
Дорога прежняя опять меня ма-
нила,
И сердце о пути мне громко гово-
рило,
И жажда славных дел проснулася
в груди,
И цель великая виднелась впере-
ди!..
И вновь я двинулся... Но что со
мною случилось?!
Нет прежних сил во мне... отвага
потерялась...
Я не могу идти... Я немощен и

слаб;
Сомнений горестных теперь я
жалкий раб.
Мечты высокие, стремленья мыс-
ли здоровой —
Бесплодный анализ облил мне
злой отравой...
Я стал умней теперь. Все трудно-
сти пути
Я опытом узнал... Теперь бы мне
идти...
Но дорого мне стал мой опыт
безрассудный,
Я силы истощил, и на дороге
трудной
С тоской, с презрением к себе те-
перь стою,
И не в траве – в себе я чувствую
змею...

1859

Теперь я не знаю, куда мне идти, за что при-
няться. В голове пусто, совершенно пусто;
в мире ничто не привлекает, сердце иссохло
от разочарования. Оживите меня, влейте на-
дежду в грудь отчаянного, определите мне
цель жизни: есть ли у меня талант, должен

ли я заниматься поэзией или поступить в военную службу, чтобы ехать на восточный Кавказ и искать смерти в битве с племенем адыге, которое, как слышно, еще не совсем покорилось{98}.

От вас ждущий жизни или смерти
Аполлон Капелькин{99}.

P. S. Следующий мне гонорарий вышлите мне по адресу, который вам сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

Письмо благонамеренного француза о необходимости посылки французских войск в Рим и далее для восстановления порядка в Италии

(Перевод с французского)

Милостивые государи!

Извините, что, не имея чести быть вашим соотечественником и единоверцем, осмеливаюсь просить вас о помещении в «Свистке» моего письма. На это имею я важные причины. Во-первых, ваш образ мыслей подходит к моему гораздо более, нежели все остальные журналы Европы и Америки. Во-вторых, «Свисток» пользуется огромным влиянием на общественное мнение и даже на умы многих государственных людей Европы. Я знаю из верного источника (*de bonne source*), что сам кардинал Антонелли, после того как у вас было о нем упомянуто{100}, любопытствовал

прочсть «Свисток», и, конечно, этому обстоятельству надо приписать то, что последние поты его значительно веселее прежних. В-третьих, вы более, нежели кто-нибудь, имее-те свободы в рассуждении о политике: вы не связаны тираниею общественного мнения, которое у нас так страшно тяготеет над журналистикой. Можете себе представить, что у нас ни один журнал не решился бы поместить мое письмо, не потому, чтоб оно несогласно было с видами правительства (напротив, я надеюсь, что оно очень с ними соглас-но), а просто потому, что это значило бы раз-дражить общественное мнение! Вы, как я по-всему вижу, еще не дошли до такого печаль-ного положения; у вас журналист – учитель и господин своей публики и потому может го-ворить ей, что ему угодно, а она должна толь-ко слушать, верить и преклоняться пред его авторитетом... Для меня и для моих предполо-жений именно это и нужно.

Пред *вашей* публикой я могу открыто и прямо сказать, что решительно не одобряю итальянское движение и считаю Гарибальди разбойником (brigand){101}. Некоторые кор-

респонденты французских газет уверяют, что русская публика исполнена энтузиазма к «освободителю Италии» и ждет окончательного водворения итальянского единства, точно большого праздника. Может быть, это и правда; но так как ваша публика находится еще во младенчестве и не доросла до собственного мнения, то я думаю, что мне церемониться с нею нечего. Итак, я признаю Гарибальди разбойником (brigand) и формально протестую против всякого государственного акта, который совершится на основании его незаконных выходов. Но этого мало, я предлагаю верные средства для уничтожения всего, что им наделано, и думаю, что ваш «Свисток» окажет услугу русской и европейской публике напечатанием моих предположений.

Дело в том, что теперь священная обязанность наблюдения за порядком в Европе принадлежит Франции. Не обижайтесь; говоря это, я вовсе не думаю исключать из числа великих держав ваше отечество. Я читал сочинения господ де Жеребцова, Головина и Чичерина (в «Le Nord») и вполне с ними согласен, что России предназначено великое будущее

{102}. Но надеюсь, что и они не станут спорить, если я скажу, что вы еще весьма молоды в исторической жизни и потому никак не можете претендовать на первенство перед французами в опытности и благоразумии. Вы еще, так сказать, отроки, безмятежно совершающие свой курс в тишине благородного пансиона, а мы – уже взрослые люди, перенесшие много горя и видевшие много бурь на океане, простирающемся от Бастилии до Люксембурга...{103} Вот почему теперь, как опытные пловцы, мы должны первые предвидеть бурю и останавливать новичков. Надеюсь, вы меня поняли и, следовательно, согласились со мною[3].

Франция вот уже 11 лет{104} весьма усердно очищает свою репутацию от нареканий, заслуженных ею в бедственное время насильственных переворотов. Она уже давно перестала быть очагом (foyer) анархических движений; все ее желания направлены теперь к тишине, порядку и законному благоденствию под покровом религии и нравственности. Конечно, большинство людей, считающих себя образованными, вопиет еще о какой-то соли-

дарности императорской Франции с принципами 1789 года;{105} но, к счастью, голоса этих людей год от году слабеют, и смело можно надеяться, что скоро совсем заглохнут. Благодаря благоразумию правительства они лишены теперь возможности пропагандировать свои мнения в печати, и хотя по временам прорывается в журналистике дух – не то что непокорства, а как будто бы некоторого недовольства, но общий тон журналов, можно сказать, в высшей степени успокоителен (rassurant). Я не говорю уже о первых звездах нашей журналистики – «L'ami de religion», «Gazette de France», «L'Union», «Le Monde» – преисполненных до мозга костей религиозными и нравственными началами; не говорю о «Constitutionnel», в котором г. Грангильо изображает почти каждый день настоящее блаженство и величие Франции такими яркими чертами, что иногда сам «Moniteur» бледнеет пред ним; не говорю о «Patrie» и «Pays», которые, уж конечно, и потому должны быть благородны (genereux), что поддерживаются (subventionnes) правительством. Но я укажу вам на «Journal des Debats», на «Presse»{106},

прежде столь задорные: радостно читать их ныне!.. Вы знаете, что в «Journal des Debats», например, отличался весьма едким (caustique) стилем г. Прево-Парадоль. Надо полагать, что это происходило в нем не столько от серьезного политического недовольства, сколько от расстройства печени. В начале нынешнего лета расстройство это усилилось до того, что г. Прево-Парадоль издал брошюру «Les anciens partis»[4], в которой весьма много желчи. Но само собою разумеется, что это ни к чему не новело. Правда, пять тысяч экземпляров брошюры были расхвачаны в несколько дней благодаря разнесшемуся слуху, что ее будут отбирать, и когда действительно стали отбирать, то нашли всего несколько десятков экземпляров; но автор, как и следует, был осужден к тюремному заключению и штрафу, издатель тоже заплатил штраф весьма значительный; в ответ на брошюру явилось прекрасное сочинение: «Le parti de la providence» [5], и кончилось тем, что только «Journal des Debats» избавился от выходок г. Прево-Парадоля и украшается ныне вполне благонамеренными premier-Paris[6] г. Аллури и Вейсса

{107}. Вообще во всей журналистике нашей только и можно быть недовольным двумя журналами: «Siccle» и «L'Opinion Nationale». Но они оба, сколько я знаю, уже имеют по авертисману[7] за выходки против святейшего отца и потому не очень могут храбриться. Притом нельзя не заметить, что и они тоже не лишены патриотизма – только что в них заметна еще некоторая игра крови. Вообще же говоря, журналистика, да и вся литература наша представляют умиленное зрелище: как горячо, например, отзывались они на превосходные речи об императорской политике, произносившиеся недавно нашими государственными мужами при открытии выборов!{108} С каким восторгом перепечатывали они известия о путешествии императорской четы и дифирамбы, по этому случаю произнесенные разными официальными лицами!{109} Только «Opinion Nationale» пожалело довольно ядовито, что декорации для триумфальных арок и прочих выражений народного энтузиазма перевозятся из города в город один и те же компанией спекуляторов, составившейся для этого случая! Но «Opinion»

не получило за это даже авертисмана: это одно уже доказывает вам, как ничтожны у нас все подобные выходы пред силою правительства, опирающегося на энтузиазм народа... Словом, Франция сознала теперь, что она сильна централизацией и, если позволите выразиться, политическим благонаравием. Предания первой революции еще несколько сбивают ее с толку своего грандиозностью; но теперь появляются уже смелые борцы, которые смело топчут в грязь и эти предания. Так, например, вам, без сомнения, уже известна (все благородные книги наши так быстро получают в России!) недавно вышедшая «История жирондистов» г. Гранье де Кассаньяка, политического редактора «Pays». Невозможно лучше разоблачить все ничтожество и зверство деятелей революции. Г-п Гюаде, внук известного депутата, старался было возражать, журналы сделали несколько двусмысленных выходов; но против истины стоять невозможно, и книга г. Гранье де Кассаньяка, как слышно, заставила даже г. Ламартина решиться исключить «Историю жирондистов» из полного собрания его сочинений или по крайней мере

ре назвать ее «историческими бреднями», *reveries historiques*{110}.

Вы понимаете, что, находясь на таком хорошем пути, Франция должна всеми силами заботиться, чтобы ничто не могло свернуть ее в сторону. С этой точки зрения итальянское движение давно должно было возбудить ее негодование и противодействие. Но, к несчастью, наше правительство, привыкнув к законности и к беспрекословному исполнению своих справедливых требований, думало, что дело может быть устроено путем здравых внушений и дипломатических переговоров. Вот отчего так много времени потеряно; вот отчего до сих пор, по рыцарскому великодушию, император старается сдерживать негодование Франции против неблагодарных итальянцев. Еще на днях одна из провинциальных газет получила авертисман за то, что назвала Виктора Эммануила коронованным разбойником (*Bandit couronne*){111}, хотя дипломатические отношения наши с Пьемонтом уже прерваны{112}. Мы не могли себе представить, чтобы итальянцы могли ослушаться правительства великой нации, кото-

рая уже столько раз давала им чувствовать свою силу; мы хотели действовать на них мерами кротости и благоразумия. Но год испытания прошел, и мы должны были убедиться, что с непокорным народом надо действовать не словами, а оружием. Верно, уж когда дело пошло на вооруженное и гласное восстание, то тут никакие депеши, никакие конференции, никакие дипломатические меры не помогут. Поможет одно: армия. А ежели нет намерения или недостает решимости послать армию, то и говорить ни о чем не стоит: всякие рассуждения, не имеющие за собою определенного плана военных действий, будут забавным пустословием, годным только в качестве материала для каких-нибудь парламентских прений.

Кажется, дело просто. И, однако же, до сих пор мы не видим деятельных мер правительства для укрощения итальянцев. Что же мешает ему? Где препятствия для решительных действий? Где основания для бездействия? Об этом я и намерен объяснить с Европою через «Свисток».

Главным препятствием служит мнимая за-

конность и будто бы благородство дела итальянцев. «Как, говорят, остановить движение, в котором выражается национальное стремление и которое направлено против чуждого владычества, беззаконий и злоупотребления, превосходящих всякое терпение? Как идти против воли нации, когда само императорское правительство возникло из всеобщего народного избрания?» Все это, по здравом рассуждении, оказывается чистейшими пустяками (futilites). Прежде всего оставим в стороне «волю народа»: она признала себя несостоятельною в тот самый день, как избрала Людовика Наполеона. Избран он, конечно, не для того, чтобы быть на посылках у народа, а затем, чтобы предписывать ему, как держать себя, потому что сам народ не умел распоряжаться собою. И как скоро французы поставили у себя человека, в руки которого отдали свою волю, так они и должны его слушаться беспрекословно. Таким образом, для императора обязательна одна воля народа: желание, выраженное 2 декабря 1851 года, чтобы он владел Францией. Сообразно с этим желанием он и должен делать все возможное, чтобы

продолжить свое владычество, в котором Франция нашла свое блаженство{113}. Следовательно, все свои действия он должен располагать сообразно тому, благоприятно это будет для продолжения его управления во Франции или нет. Ему нечего стесняться детским лепетом народа, ни французского, ни итальянского, и никакого другого. Кажется, это ясно как солнце (*clair comme le soleil*).

Таким образом, Франция должна смотреть на итальянское движение единственно с той точки, благоприятно оно для правительства императора или нет? Если оно неблагоприятно, то, очевидно, противно воле французской нации, избравшей Наполеона, и, следовательно, должно быть признано враждебным Франции. Это опять ясно.

Теперь – нужно ли говорить о том, что революционный дух наших соседей не может не произвести вредного влияния на расположение духа и во французском народе? Надо признаться, что народ еще очень глуп у нас. То, что вы знаете под именем французской нации, – это, собственно говоря, не народ, это сливки его, благородные избранники, кото-

рых интересы и понятия совершенно противоположны народным. Эти-то люди и господствуют над миром посредством своего вкуса, остроумия, изящества и блеска своих благородных идей. Они господствуют и над собственно называемым народом; но, разумеется, только до тех пор, пока нет серьезных столкновений. А как скоро дело дойдет до ссоры, то как же хотите вы, чтобы горсть людей благородных, изящных и образованных, но зато весьма деликатных в физическом отношении, могла противостоять грубой силе целой массы? Да еще надо прибавить к этому, что и в образованном-то классе большинство готово при первом удобном случае зашуметь о свободе и об интересах народных. Даже теперь, несмотря на всю бдительность императорского правительства, беспрестанно прорываются беспокойные идеи. Так, например, в последнее путешествие императора какой-то сумасшедший, говорят, пробовал в него выстрелить в Тулоне; факт еще не подтвержден решительно, а уже кое-кто пытался было сделать его поводом разных вольных рассуждений. К счастью, газетам запрещено было упо-

минать о нем{114}. Недавно то же – отставные революционеры затеяли было подписку в память г. Флота, убитого в рядах гарибальдиевских скопищ (bandes){115}. Правительство имело благоразумие запретить и эту подписку; но ее затея уже показывает вам настроение некоторых господ. Они молчат теперь, но нет сомнения, что при первой возможности они заговорят и найдут тысячи последователей. Пусть только ослабится, например, хоть бдительность надзора за прессою: завтра же явятся десятки журналов с самыми гибельными тенденциями и увлекут всеобщее внимание. До какой степени падок народ на нелепости подобного рода, вы можете судить, например, по «Courrier du Dimanche», еженедельной газетке, которая имеет огромный успех, а берет только тем, что в ней какой-то валлах или молдаван Гапеско делает беспрестанно выходки против императорского правительства. Еще на днях, например, он осмелился требовать отмены закона de la surete generale!..[8]{116} При таком положении дел, когда с одной стороны угрожает г. Гапеско, а с другой – целый народ шумит и вол-

нуется, не может быть никакого сомнения в том, что надобно делать правительству. На неразумного валлаха претендовать нечего: он затем и существует, чтобы привлекать общее внимание, подделываясь под общий вкус; беда в том, что вкус-то общества получает такое вредное направление. Следовательно, надо уничтожить то, что подает повод к искажению нравственных понятий и чувств французов, надо во что бы то ни стало укротить движение на полуострове. В прошлом году император принял весьма хорошую меру, взявши итальянское дело в свои руки и порешивши его разделом Ломбардо-Венецианского королевства между Австрией и Сардинией{117}. Но затем Франция сделала несколько важных ошибок, допустивши присоединение герцогств и Романьи{118} и не придумавши с самого начала экспедицию Гарибальди. Конечно, кто же мог этого ожидать? Никому в голову не могло прийти, чтобы в каких-нибудь три месяца Неаполитанское королевство могло исчезнуть с политической карты Европы и чтобы самому святейшему отцу стали угрожать в его резиденции, охраняемой француз-

скими штыками...{119} Но в том-то и дело, что подобными вещами никогда не должно пренебрегать. С таким народом, как итальянцы, и при таком правительстве, как неаполитанское, всегда следовало ожидать, что не нынче, так завтра последует катастрофа. Всегда следовало поступать так, как поступаем мы с Римом. Недавно кто-то распустил слух, что французский отряд из Рима двинулся к Анконе;{120} «Patrie» опровергала этот слух таким образом: «известие это нелепо уже само по себе; всякому известно, что французский отряд, находящийся в Риме, никак не может оставить папской столицы: если бы он сегодня вышел из Рима, то завтра же римляне возмутились бы и прогнали папу; а между тем охранение папского престола и составляет настоящую цель пребывания французских войск в Риме». Вот это политика смелая, откровенная и благородная! Тут нет никаких церемоний с народной волей, а прямо объявляется, что армия поставлена против народа, для того чтобы он не наделал глупостей... Если так ведет себя Франция в Риме, почему ей не делать того же и во всей остальной Ита-

лии? Почему не послать войск в Сицилию, почему не поставить гарнизона в Неаполе, почему не занять Анконы, почему, наконец, в согласии с Австриею, не содержать нескольких полков в Венеции? Все это чрезвычайно легко было сделать несколько месяцев тому назад; теперь труднее, по возможность еще не потеряна благодаря твердости нашего правительства, умевшего сохранить честь нации (*l'honneur de la nation*) удержанием и даже усилением римского отряда. Теперь можно действовать через Рим; посылать туда подкрепление за подкреплением, а оттуда вводить войска в Гаэту, покамест король Франциск еще там держится;{121} из Гаэты же идти на Неаполь. Никто с нами, разумеется, драться не будет, потому что Пьемонт не осмелится оскорбить знамя великой нации (*drapeau de la grande nation*), в особенности когда еще Австрия угрожает Италии. Таким образом, мы занимаем Неаполь, восстанавливаем Франциска, посылаем войска в Сицилию, требуем от Сардинии очищения Марок и Умбрии{122} и объявляем Австрии необходимость содержания французских войск в Вене-

ции: Австрия ничего не может возразить, потому что, во-первых, мы восстановлением Франциска дадим ей достаточное ручательство в нашей благонамеренности, а во-вторых, и потому, что габсбургское правительство находится при последнем издыхании и если бы Франция двинула на него свои легионы, то уже никакие силы в мире не спасли бы его...

Устроивши таким образом положение дел, то есть расставивши везде свои войска, Франция созывает конгресс. Нет надобности говорить, что на нем решено будет восстановление герцогов{123} и, кроме того, пересмотрится цюрихский трактат, причем Франция сделает новые приобретения как по лигурийскому берегу, так и по направлению к Рейну.

Никто не назовет, надеюсь, моего плана неудобоисполнимым. Но представляются возражения относительно его достоинства. Я всех предвидел и сейчас же намерен победоносно опровергнуть.

Люди, мало сведущие в политике, кричат прежде всего, что Франция ничего не выиграет от вооруженного вмешательства в дела

Италии; уверяют, что ей не нужно увеличения территории, что она и без того довольно хорошо округлена{124}, что новые провинции доставят ей только новые хлопоты, что благоденствие нации заключается не в численности ее, а в хорошем устройстве и пр. в том же роде. Против частностей этого мнения я возражать не стану. Мало того, я прибавлю, что всякое вмешательство на полуострове принесет Франции временно весьма чувствительное отягощение и расстройство. Финансы Франции находятся в положении весьма не блестящем; в нынешних прениях о бюджете мы видели, до какой огромной цифры дошел государственный долг в последние восемь лет; налоги весьма чувствительны для населения{125}, конскрипция{126} представляет одно из самых ужасных зол в глазах всей нации. Вести войну значит делать новые траты людей и денег, не видя впереди даже вознаграждения, потому что ни с папы, ни с неаполитанского короля взять нечего, с Австрии тоже, а Пьемонт еще представляет статью очень сомнительную. Все это так; но что значат все мелочные затруднения пред вели-

чием общего приобретения нравственного! Здесь замешана наша национальная гордость, наша честь и наше существенное благо. Хотя бы Франция и разорилась в Итальянской войне, во всяком случае мы выйдем из нее с лучшими обеспечениями своей будущности, нежели какие можем иметь при водворении в Италии нынешнего порядка вещей. Победив гидру итальянской революции, правительство надолго упрочит существование нынешней системы, водворит спокойствие в Европе и будет иметь возможность в мире и тишине наверстать все потерянное. Мы видим, что теперь налоги далеко еще не дошли во Франции до своей крайней возможности; между тем всякое увеличение их встречается ропотом, который нельзя оставлять без внимания в виду того, что делается в Неаполе и римских провинциях. Но когда все будет успокоено и усмирено, что тогда помешает удвоить подати и таким образом поправить финансы? Что помешает возвысить значение войск, увеличив им жалованье, улучшив содержание, вообще создавши из них особую силу, совершенно отделенную от народа и

всегда готовую наказать всякое ослушание и недовольство? Франция будет тогда наслаждаться совершеннейшим, образцовым порядком, которому сами австрийцы позавидуют, и вот главное основание, заставляющее пренебречь временные невыгоды и затруднения, соединенные с посылкою войск в Италию!

Есть и другие соображения высшего разряда, определяющие роль Франции в настоящих обстоятельствах. Лукавые друзья свободы обыкновенно стараются уверять, что нынешнее правительство Франции продолжает наполеоновское направление и, таким образом, необходимо связано с преданиями первой революции. Мнение это так сильно, что само правительство не решается опровергать его положительно. Но в «Свистке» можно высказать всю правду, и потому я не колеблюсь объявить это мнение лишенным всякого основания. Что ни говорите, но император принял в свои руки не Францию первой революции и империи, а Францию Реставрации, Францию Бурбонов; и он, естественно, должен быть представителем бурбоновской по-

литики, хранителем трактатов 1815 года{127}. Это условие само собою подразумевалось, когда Европа признала его императором. Говорить, что он продолжает наполеоновскую политику, значит возбуждать против него европейскую коалицию и даже мнение всех благонамеренных французов. Мы очень хорошо знаем, чем мы обязаны Священному союзу, этому высокому созданию светлого ума Меттерниха. Мы понимаем, что он был создан для охранения порядка и тишины в Европе, а кто же более нынешних французов может дорожить порядком и тишиною? Кто более Людовика Наполеона сделал для их водворения и ограждения? «Империя есть мир»{128}, – сказал он; а «если хочешь мира, то готовь войну» (*si vis pacem, para bellum*), и в силу этого двоякого соображения он неумоимо воюет и мирится с самого своего избрания – и все в интересах продолжения своего управления, в котором одном только нашла Франции мир и блаженство.

Уверяют, будто война против освобожденной Италии создаст нам врагов в наших соседях, оттолкнет от нас сердца народов, поста-

вит нас в ряд противников европейского прогресса. На все это я отвечу в коротких словах. Итальянцы и все угнетенные национальности, будут враждебны к нам, правда; швейцарцы и бельгийцы будут нас презирать, Пруссия и Англия останутся недовольны. Но что же нам до этого? Итальянцы будут приведены в такое положение, что пикнуть не посмеют: везде будут стоять французские войска для защиты правительств от их подданных. Против Пруссии мы всегда имеем Австрию и Баварию. Швейцарцы и бельгийцы сами-то ничего не стоят, кроме презрения; если на то пойдет, то их всех можно будет присоединить к Франции... Остается Англия; но Англия не начнет наступательной войны, а ежели вздумает с нами помериться, так мы лучше не требуем (*nous ne demandons pas mieux*). Давно уж она нам поперек горла встала с своею торговлею, интригами, а всего пуще – с своими либеральными принципами, которые, в сущности, только и годятся для того, чтобы поощрять беспорядки всякого рода.

Да и какое законное основание могут иметь другие державы для противодействия

нашему вмешательству в Италии? Трактаты все в нашу пользу. Разве только поставят нам на вид этот несчастный принцип невмешательства (non-intervention), нами же провозглашенный? Но, во-первых, он был провозглашен в других обстоятельствах; во-вторых, он теперь уже нарушен самим Пьемонтом; {129} в-третьих, он не освящен конгрессом; в-четвертых, он должен быть подчинен другому, высшему принципу, который мы давно уже провозгласили в Риме и который нарушен итальянским движением и требует мщения {130}. За решительным ослаблением Австрии и за недопущением Испании в число великих держав (несмотря на наше ходатайство) мы остались одни теперь хранителями католического принципа в Европе, защитниками светской власти святейшего отца. Здесь уже политика переходит в высшую область, и все дипломатические соображения должны преклониться пред святынею нравственных начал. Кричите, пожалуй (on a beau crier), об отделении светского от духовного, вы нас не заставите думать, что папа может обойтись без двора, совета, армии, без владений, соб-

ственно ему принадлежащих. Существование Папской области столь же необходимо в сфере католических начал, как существование Австрийской империи в дипломатической сфере... Собственно говоря, можно, пожалуй, утверждать, что и Австрия не нужна для народов Европы; но она создана трактатами 1815 года{131}, она вот уже в течение полувека доблестно исполняет свое назначение – сдерживать народное своеволие и служить оплотом порядка для всех стран Европы, и она стоит и будет стоять, несмотря на заносчивость венгерцев, враждебность итальянцев, тайный ропот славян, неудовольствия самих немцев, расстройство своей администрации и почти банкротство в финансах{132}. Она будет стоять, потому что служит представителем живого принципа, того самого, к которому пришла теперь и Франция после стольких волнений и испытаний, к которому должна быть приведена и Италия, во что бы то ни стало (coute qui coute)!.. Так и Папская область останется за папою, несмотря на все безумные фанфаронады Гарибальди, ибо святейший отец служит высочайшим

представителем католического единства, непогрешимого авторитета и безукоризненной централизации – то есть всего, в чем нашла свое спасение Франция! Говорят, что папское правительство очень дурно. Я не стану утверждать противного, потому что для меня этот сюжет не имеет ни малейшего значения. Положим, что оно дурно до последней степени; что же из этого? *Abusus non tollit usum* – злоупотребление вещи не доказывает ее негодности; тем более надо стараться поддерживать папское правительство, чтобы дать ему возможность уничтожить у себя злоупотребления. Это постоянно и делает французское правительство, подавая папе благие советы{133}. Но, в сущности, не злоупотребления вооружают вольнодумцев против папского управления, а самый принцип его, стремящийся к благу духовному и потому, естественно, требующий от подданных отречения от многих материальных удобств и смиряющий порывы кичливого ума. Людям легкомысленным, не думающим о принципах духовных, кажется возмутительным, когда им не дают свободы болтать всякий вздор, когда

их судят по особым соображениям, а не по общим законам, дела ведут в святилище судебных мест, а не на площади, требуют с них для поддержания духовного блеска наместника святого Петра более, чем бы они считали нужным, и пр. Но для всякого благомыслящего католика ясно, как нелепы все подобные претензии. Во-первых, они доказывают только развращение нравов и равнодушие к религии; во-вторых, свидетельствуют о полнейшем невежестве претендующих. Если бы они понимали хотя самые первые основания государственной жизни, то перестали бы жаловаться на папское правительство, потому что, в сущности, принцип его вовсе не отличается от других, и, например, во Франции мы представляем то же самое, что и подданные папы. Соединяясь в государства, мы пользуемся покровительством общих законов и защитой от всяких нападений на нас. Мы сами не можем составлять законы для своей жизни, не можем и знать всех бедствий, какие нам грозят. Очевидно поэтому, что забота об общественной безопасности должна быть сосредоточена в руках избранных, для которых все мы и

должны жертвовать нашими личными интересами. Во Франции мы признаем право рассуждать за нас и располагать нашими действиями за Людовиком Наполеоном; в Риме то же право принадлежит Пию IX. Таким образом, интересы французского и римского правительства в этом вопросе одни и те же, и всякий, кто им противится, должен быть наказан общими силами. Если бы Франция оставила папу, гнев божий постиг бы ее и она бы пала под собственною тяжестью. Наш век не признаёт силы духовного слова; пусть же он поверит хоть истории. «Мои пушки заглушат гром папских проклятий!» – гордо писал Наполеон I во всем блеске своего могущества {134}. И что же? Прошло каких-нибудь два года после преступного восклицания – и звезда Наполеона закатилась!.. Если находится много людей, не придающих значения подобным урокам, то тем хуже для них и тем менее смысла имеют те господа, которые на каждом шагу толкуют нам о невмешательстве. Истинные католики и благомыслящие люди всех наций не могли, конечно, без особенного удивления читать прелестные слова (de belles

paroles) святейшего отца о том, что он называет «каким-то новым и странным принципом нон-интервенции». Поистине новый и странный принцип, особенно в виду народов, потерявших всякое сознание законности и благоразумия! «Любите и защищайте друг друга», – заповедует нам правило нравственности; а мы что делаем! Разбойник, флибустьер, врывается в дом к нашему брату, законному королю, грабит его, отнимает его владения и дарит их другому королю, в котором своеволие надеется найти себе более потачки; а мы в это время провозглашаем принцип невмешательства! Не жалко ли, не бесчеловечно ли это? Не губительно ли это для самих народов, которые, по неразумию своему перешедши к Пьемонту, пожалуй, в самом деле захватят себе разные льготы и вольности и позабудут должное смирение и дисциплину? Оставлять их на произвол судьбы не то же ли самое значит, как если бы в школе начальники и учителя предоставили учеников самим себе, провозгласив тоже принцип невмешательства? Если так, то уж лучше и школы не нужно, и ученья не нужно, и на-

град и наказаний не нужно; пусть все идет само собой и на мир снова нисходит мрачная ночь варварства и беззакония!..

После всего, что я сказал, нужно ли распространяться еще о последнем возражении против посылки французских войск в Италию, о том, будто бы подобным распоряжением император потеряет свою популярность между французами? Кто говорит это и о ком? Люди с неудавшимся честолюбием, потерянные в блеске того, кто с такою славою держит в руках своих судьбы Франции и господствует над политикою Европы! Ему нет надобности добиваться популярности между подобными людьми и их партиями. Популярность, состоящая в благосклонности всех партий, нужна, может быть, Виктору Эммануилу, только что занесшему ногу на трон предполагаемого итальянского королевства; но за кого 8 000 000 избирательных голосов, за кого имя Наполеона, политическая мудрость и армия, которой подобной нет в мире, тот спокойно может обойтись без этой эфемерной популярности! Что же до народа, то когда же он не был с тем, кто указывает ему путь к славе? А кто же ус-

мнится, что новые лавры ожидают наши войска, если только придется им вынуть мечи из ножен? Итальянцы знают нас как союзников, и они не захотят иметь нас врагами! Они сумеют почтить французское имя (ils sauront respecter le nom français) и волю того, кто избран великою нацией в повелители судеб ее! Если же нет... о, тогда... неужели думаете вы, горячие приверженцы итальянской автономии, неужели думаете вы, что великий народ в 35 миллионов позволит оскорблять себя безнаказанно? Неужели вы полагаете, что он сам не побежит просить оружия против оскорбителей и что жены и дети не захотят отпраздновать триумф их мужьев, братьев и отцов? О, если можно в чем-нибудь упрекать наш народ, то, уж конечно, не в недостатке военного энтузиазма! Он с радостью останется без нищ и без крова, если дух его будет оживлен сознанием национальной славы, приобретенной драгоценной кровью (sang précieux) сынов его!

И за какое дело будет проливаться теперь эта кровь! За дело порядка, за торжество законности, за герцогов, короля неаполитанско-

го, прочность Австрии, за святейшего отца! Со стороны Франции это будет дело бескорыстное, святое, вызываемое единственно рыцарскими ее чувствами (sentiments chevaleresques). Никто не упрекнет нас в честолюбии, а между тем за Францию осветится право наблюдения за порядком в Европе и охранения законных правительств всех стран против мятежных подданных. Понятно, какой обширный горизонт (quel vaste horisont) открывается таким образом для политической мудрости нашего правительства!..

В видах блага человечества, желая оказать услугу моей прелестной родине (a ma belle patrie) и делу законного порядка в Европе, изложил я вам в беглом очерке мои идеи о роли, которую должна теперь принять Франция. Я оставил в стороне все военно-технические и дипломатические подробности, потому что это письмо есть не что иное, как введение в большой мемуар, над которым я теперь работаю и который скоро сообщу публике. Я поспешил изложить мои общие идеи, потому что время не терпит, быстрый ход событий требует и быстроты решений. Надеюсь, что

важность моих соображений будет понята всеми, и желаю, чтобы они нашли искренний отголосок как у вас в России, так и во всей Европе, особенно же в моем отечестве, в сердце того, от кого зависит осуществить мои идеи. Да будет Франция, уже давшая миру столько великих и благородных толчков (tant d'initiatives grandes et generalises), и на этот раз руководительницею святого дела законности и порядка. Да совершится! (Ainsi soit-il!)

Станислав де Канард{135}

Париж, 8/20 декабря

Из цикла «Неаполитанские стихотворения»{136}

(написанные на австрийском языке Яковом Хамом и переведенные Конрадом Лилиени-вагером)

Неаполитанские дела занимают теперь первое место между всеми вопросами, увлекающими внимание Европы; можно даже сказать, что пред ними кажется ничтожным все остальное, исключая разве нового журнала, который собирается издавать г-жа Евгения Тур, и новой газеты, обещаемой «Русским вестником»{137}. Но понятия наши о неаполитанских событиях очень односторонне, потому что все наши сведения приходят от врагов старого порядка, которые, очевидно, стараются представлять дело в свою пользу. Вот почему нам показалось необходимым представить нашим читателям несколько неаполитанских стихотворений известного австрийского поэта Якова Хама, рисующих положение дел и настроение умов совершенно не так, как обыкновенные журнальные изве-

стия. Яков Хам – прежде всего поэт; он постоянно находится под влиянием минуты и, следовательно, чужд всяких политических предубеждений. Он то хвалит упорство короля неаполитанского в режиме его отца{138}, то превозносит его за конституцию, то ругает освободителей Италии, то предается неумеренному энтузиазму к ним, то в восторге от жестокой бомбардировки{139}, то в настроении нежных чувств... Во всех этих видимых противоречиях сказывается весьма сильно художественность его природы и вместе с тем дается полное ручательство в его искренности. И так как литература вообще и поэзия в особенности служат выражением народной жизни, а Яков Хам – поэт австрийский, то в стихотворениях его мы можем видеть, в каком настроении находился народ австрийский в последний год и какими чувствами преисполнен он к династии Бурбонов. Не выводя никаких политических результатов из представляемых нами поэтических документов, мы не можем не обратить внимания читателей на их литературное значение: во всей современной итальянской литературе

нет ничего, подходящего по благонамеренности к творениям австрийского поэта. В нынешнем году какой-то человек с итальянской фамилией сочинил оду на именины австрийского императора – так на это указывали с ужасом, как на нечто чудовищное! Из этого одного уже достаточно видно, как много стесняется художественность, когда разыгрываются народные страсти, и как много выигрывает она при отеческом режиме, подобном австрийскому. Надеемся, что любители литературы, даже несогласные с г. Яковом Хамом в большей части его тенденций, оправдают нас в помещении его стихотворений уже в силу того одного, что они блистательно разрешают одну из великих литературных проблем – о чистой художественности, – разрешением которой так ревностно занималась наша критика в последние годы{140}. Вместе с тем мы надеемся доставить читателям удовольствие и самыми звуками перевода, над которым так добросовестно потрудился г. Лилиеншвагер. Мы должны сказать откровенно: со времени патриотических творений Пушкина, Майкова и Хомякова{141} мы не читывали ничего

столь громкого, как стихотворения г. Якова Хама в переводе Конрада Лилиеншвагера.

1

Надежды патриота

(При начале итальянских волнений)

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены.
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо с горизонта
Три солнца чудной красоты; [9]
{142}
Честолюбивого Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царит в Италии измена,
И торжествует в ней порок:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись в поток;
И силой вражьего восстанья
Из рук святейшего отца
Отъята бедная Романья —
Стад папских лучшая овца!.. {143}

Но против дьявольских усилий
Есть нам незыблемый оплот:

То королевство Двух Сицилий,
Бурбонам преданный народ.
Воссев на праотческом троне,
Как в небе солнца светлый диск,
Там в Фердинандовой короне
Сияет царственный Франциск.
Не поддается он лукавым
Речам политики чужой
И твердо правит по уставам
Отцовской мудрости святой;
Карать умеет недовольных
В тиши полиции своей
И в бой нейдет за своевольных
Против законных их властей...
{144}

Вкруг трона вьется там гирлянда
Мужей испытанных, седых,
Хранящих память Фердинанда
В сердцах признательных своих.
К Франциску им открыты двери,
Страною правит их совет,
И вольнодумству Филанджьери
Нет входа в царский кабинет!
{145}
И верим мы: Кавур с Маццини
Обманут бедный их народ {146},

*И он придет, придет в кручине —
Просить Францисковых щедрот;
Министр полиции Айосса
Умов волненье укротит
И итальянского вопроса
Все затрудненья разрешит!..{147}*

5

Плач и утешение{148}

(По поводу некоторых дипломатических советов неаполитанскому правительству){149}

*Ужасной бурей безначалия
С конца в конец потрясена,
Томится бедная Италия,
Во власть злодеев предана.*

Повсюду слышны крики шумные
—

*Народ изменой упоен...
Свободы требуют безумные
И рушат власти и закон!*

*И, к униженью человечества,
Проник неблагородный страх
В самих блюстителей отечества,
Держащих власть в своих руках.*

Принципом странным невмешательства
Прикрыв бессилие свое,
Европа спит, когда предательство
Пожрать готовится ее;

И итальянские властители —
Одни бегут из их держав,
А те – становятся ровнители
Безумной черни мнимых прав!

Дают статуты либеральные,
Страстям толпы бесстыдно
льстят,
И дни отечества печальные
Презренной трусостью сквернят!..

Один средь общего волнения,
Как некий рыцарь на скале,
Стоит без страха, без сомнения
Король Франциск в своей земле...

Утешься, бедная Италия.
Закон и правду возлюбя,
Франциск не даст разлиться да-
лее

Злу, охватившему тебя.

*Он понимает все опасности
Льстить черни прихотям слепым;
Ни конституции, ни гласности
Не даст он подданным своим!*

*Не переменит он юстицию,
Не подарит ненужных льгот,
Не обессилит он полицию —
Свой нерушимейший оплот;*

*Не даст права свои священные
Толпе бессмысленной судить
И своевольства дерзновенные
Не поколеблется казнить!*

*И знаю я – он не обманется
В благоразумии своем:
Пьемонт падет, а он останется
Италийским королем!*

26 июня 1860 года

6

Неисповедимость судеб{150}

(На обнародование неаполитанской конституции){151}

Не видать ни тучки в небе знойном...

Солнце блещет, сушит и палит
И в теченьи царственно-спокойном

На поля засохшие глядит.

Все томится, все горит и вянет...

Надо влаги жаждущей земле!..

На работу пахарь завтра встанет

С безотрадной думой на челе

И, взглянув на солнце и на небо,
Не прельстится светлой их кра-
сой:

Без дождя ему не будет хлеба,
Он погибнет с бедною семьей!

И, томясь ужасной перспективой,

Даст он волю жалобным речам

И пошлет упрек нетерпеливый

Безмятежно-ясным небесам...

Но давно уж в области эфирной

Собрались и ходят облака,

Час настал, и над равниной мир-
ной

Пролилась обильная река.

*Поднялись поникшие растенья,
Освежился воздух и земля, —
И глядят с слезою умиленья
Земледельцы на свои поля.*

*А вверху по-прежнему спокойно
Над землей простерт небесный
свод,
И, как прежде, весело и стройно
В ярком блеске солнышко плы-
вет...*

— —

*Так сгорал Неаполь жаждой зной-
ной,
Так искал воды себе живой;
А Франциск свершал свой путь
спокойный,
Разливая блеск свой над стра-
ной...*

*И народ сдержатъ сердечной боли
Не умел и горько возроптал...
Но давно готов был в вышней воле
Для него целительный фиал!*

Недоступен был Франциск народу;
Но пришла законная пора —
Даровал разумную свободу
Он единым почерком пера...

Ожил край. Все встало в блеске
новом...
Правосудье царствует в судах;
Всяк спокоен под домашним кро-
вом,
Всякий волен в мыслях и речах;

От шпионов кончилась опас-
ность,
В мрак архивов пролит новый
свет,
И в три дня у врачевала гласность
Край больной, страдавший столь-
ко лет!

Рад народ!.. С молитвой благодар-
ной
Новый воздух он впивает в грудь...
А король, как прежде, лучезарный,
Продолжает царственный свой
путь!..

4 июля

«Свисток» Ad se ipsum[10]

Свободный, как птица, не связанный
сроком
Журнальной подписки и выхода
книжек,
Являюсь я редко, всегда ненароком,
Но яркими буквами след свой я
выжесг
В сердцах благодарных российских
сограждан.
Мой свист облегал их сердечные
раны;
Как влага в пустыне, я был ими
жаждан,
Когда их томили сухие туманы;
{152}
Во мне лишь нашли они ключ
разуменья,
Когда возникала российская
гласность
И головы мудрых повергла в
сомнение —
И розгу и взятку не ждет ли опас-

ность;
Я был утешеньем, я был им опорой,
Когда население России смущенной
Пугал наш прогресс изумительно скорый,
Внезапно открытый в Москве
умиленной{153}.
Вопрос о евреях{154}, вопрос о норманнах{155},
Великий вопрос об экзамене строгом{156},
Шестнадцать гусей, неповинно
пожранных{157},
И опыт пощенья по волжским до-
рогам{158},
Короче – на все, что родным публицистам
Тревожило сердце и ум волновало,
На все отзывался я радостным свистом
И всех утешал я... Но этого мало:
В Европе свершалась великая драма;
И к ней обратил я родное внимание,
Австрийской поэзией Якова Хама

Созраждан моих просветив пониманье.

*Неаполю дал я благие уроки,
На все отозвался – ни слабо, ни резко —*

*И, всюду собирая прекрасные соки,
Воспев Гарибальди, воспел и Франческо!.. {159}*

И ныне явлюсь я к читателю снова;

*Хочу наградить я его за терпенье,
Хочу я принести ему свежее слово,
Насколько возможно в моем положении!..*

А впрочем, читатель ко мне благосклонен,

И в сердце моем он прекрасно читает:

Он знает, к какому я роду наклонен,

И лучше ученых мой свист понимает.

Он знает: плясать бы заставил я дубы

И жалких затворников высвистнул к воле,

Когда б на морозе не трескались

губы
И свист мой порою не стоил мне
боли.

Примечания

Условные сокращения

Белинский – Белинский В. Г. Полное собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения».

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

ЖМНП – «Журнал министерства народного просвещения».

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

МВед – «Московские ведомости».

ОЗ – «Отечественные записки».

РБ – «Русская беседа».

РВ – «Русский вестник».

РСл – «Русское слово».

СПб Вед — «Санкт-Петербургские ведомости».

Совр. – «Современник».

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Из «Свистка»

Созданный по инициативе Некрасова, «Свисток» был поистине детищем Добролюбова. Большинство материалов, помещенных здесь при жизни критика, принадлежало ему, в том числе почти все наиболее социально значительные и острые выступления. «Свисток» обнаружил новые грани яркого писательского дарования Добролюбова, который предстал здесь выдающимся мастером революционной сатиры, с блеском владевшим различными сатирическими жанрами – стихотворной пародии и перепева, фельетона, памфлета. Вместе с тем это было – в иных формах и частично на другом материале – продолжение, закрепление и развитие тех же идей и оценок, которые несла в себе добролюбовская критика. Уже одно это поразительное единство критики, публицистики и поэзии делают творчество Добролюбова уникальным явлением в истории русской литературы.

В настоящем научно-массовом издании добролюбовские материалы «Свистка» печатаются выборочно. Они отобраны таким образом, чтобы дать представление о проблемно-тематическом и жанрово-стилистическом многообразии этой стороны творчества критика.

№ 1

Совр., 1859, № 1. За исключением фельетона «Вредная добродетель», все материалы номера принадлежали Добролюбову.

Вступление

«Вступление» задает общую интонационно-стилистическую тональность «Свистка», стихией которого являлась ирония. Намечены и основные контуры тех приемов и сатирических масок, которыми будет пользоваться здесь Добролюбов: разоблачение и издевательство в форме панегирика, под личиной «благонравия» и «умеренности», либерально-оптимизма и казенного патриотизма.

№ 2

Совр., 1859, № 4 Все материалы номера были написаны Добролюбовым.

Наш демон

Как и зачин статьи «Литературные мелочи прошлого года» (первая часть которой была напечатана в предыдущем номере журнала), стихотворение иронически воспроизводит, в форме перепева пушкинского «Демона», упреки и обвинения, посылаемые «Современнику». Будучи интересно уже как своего рода реестр тех тем и вопросов, по которым партия «Современника» обнаружила свое противостояние умонастроениям либеральных кругов, оно несет в себе и более общий смысл: идею полного, по всем пунктам, размежевания революционной демократии с прогрессизмом и гражданственностью либерального толка.

Письмо из провинции

«Письмо» – характерный пример упорной борьбы, которую вел Добролюбов за то, чтобы, вместо прекраснодушных восторгов по поводу вдруг открывшейся гласности, русская журналистика давала, с одной стороны, конкретный разоблачительный материал, а с другой – художественные обобщения гоголевской и щедринской силы.

Совр., 1859, № 10.

Раскаяние Конрада Лилиеншвагера

Как акт общественно-литературной полемики, «Раскаяние...» явилось ответом не только на выпад либеральных «Московских ведомостей», где в № 95 за 23 апреля 1859 г. было помещено письмо к редактору, автор которого (Н. Ч.) именовал выступления «Свистка» «попытками литературного мальчишества и паясничества», но и – без прямого указания адресата – на статью «Very dangerous'!!» («Очень опасно!!!») А. И. Герцена (Колокол, 1859, 1 июня), обвинившего «Современник» в том, что он бьет по своим, что насмешками над «обличительной литературой» ослабляет единый фронт оппозиционных сил и оказывает услугу реакции. В форме иронического «раскаяния» Добролюбов и редакция «Современника» подтверждали верность избранной ими линии на отказ от единства с либералами, на следование собственной, революционно-демократической программе.

Из цикла «Опыты австрийских стихотворений»

Опираясь на объективное сходство офици-

альной идеологии и имперской политики двух монархий: Австрии, тщетно пытавшейся удержать свои, итальянские владения, и России, продолжавшей завоевание Кавказа и находившейся накануне новой волны национально-освободительного движения в Польше, – Добролюбов вводит здесь новую сатирическую маску – «австрийского» поэта Якова Хама, с помощью которой подвергает осмеянию комплекс охранительно-монархических и великодержавно-«патриотических» умонастроений. В этом вопросе позиция Добролюбова была во многом близка к взглядам и оценкам Герцена, высказанным в его статьях 1859 г., в том числе в цикле «Война и мир», где он, в частности, писал: «У России своя Австрия и тем более опасная, что она внутри»; «Терзая Польшу, отнимая у нее то клочья земли, то торжественно данные законы, то язык, то детей, то взрослых, вырастив на польских жертвах целое поколение злодеев и доносчиков, правительство спутало ноги и руки не ей, а себе, приковав себя преступной солидарностью к Австрии...» (Колокол, 1859, № 44, 1 июня). Возможно, что замысел «австрийско-

го» цикла возник у Добролюбова не без влияния «подсказки» Герцена.

№ 4

Совр., 1860, № 3.

Из фельетона «Наука и свистопляска, или Как аукнется, так и откликнется»

Стихотворение «Новый общественный вопрос в Петербурге» вошло в фельетон Добролюбова «Наука и Свистопляска, или Как аукнется, так и откликнется», основной сатирической мишенью которого явился М. П. Погодин. Консервативный историк, сторонник теории официальной народности, противник Белинского, издатель славянофильского «Москвитянина», он едва ли не по всем актуальным вопросам занимал позиции, диаметрально противоположные позициям «Современника». Непосредственным поводом для выступления против него в «Свистке» явился раздраженный ответ Погодина на статью Н. И. Костомарова «Начало Руси» (*Совр.*, 1860, № 1) и рецензию Добролюбова (там же) на книгу Погодина «Норманнский период русской истории» (М., 1859), оспаривавшие его

теорию норманнского происхождения первых киевских князей. Ответ Погодина содержал вызов Костомарову на публичный диспут и одновременно резкий выпад против «Современника» и его сотрудников, названных им «рыцарями Свистопляски», «кучей шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительным положением, присвоили себе на минуту авторитет в деле науки и приводят в заблуждение неопытную молодежь» (*СПб Вед*, 1860, № 60, 17 марта; *МВед*, № 64, 20 марта). Диспут между Погодиным и Костомаровым, состоявшийся 19 марта 1860 г. в Петербургском университете, не принес Погодину успеха (см. продолжение фельетона Добролюбова, а также отчеты о диспуте – *Совр.*, 1860, № 3; *СПб Вед*, 1860, № 67, 25 марта). В следующих номерах «Современника» были помещены еще две статьи Костомарова по этому вопросу: «Заметка на возражения о происхождении Руси» (1860, № 4) и «Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей» (1860, № 5, с «Замечанием» И. Г. Чернышевского),

Три стихотворения Конрада Лилиеншвагера

В пародийно-сатирической форме цикл воспроизводит некоторые основные мотивы добролюбовской публицистики: критика либерального понимания прогресса («Чернь»), преувеличенных восторгов по поводу «эпохи великих реформ» («Наше время»), уступок «секущей» педагогике («Грустная дума гимназиста...»). Первое стихотворение представляет собой перепев стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (первоначально – «Чернь»), третье – стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...».

№ 5

Совр., 1860, № 5.

Опыт отучения людей от пищи

Статья-памфлет Добролюбова представляет собой одно из сравнительно ранних обращений революционной демократии к вопросу о положении русского рабочего класса. Проникнутая горячим сочувствием к рабочим и гневным сарказмом по отношению к предпринимателям, она (как и ранее опубликованная статья «От Москвы до Лейпцига» И.

Бабста») демонстрирует остроту осуждения автором буржуазной эксплуатации, дает материал для суждения о том, как оценивал Добролюбов капиталистическую перспективу для России, и показывает, сколь пристально следил критик за жизнью страны и ее отражением не только а столичной, но и в провинциальной печати. Статья – яркий образец того тина политических обличений, который Добролюбов старался культивировать в «Современнике» на разнообразном конкретном материале, доставляемом текущей прессой (см. примеч. к «Внутреннему обозрению» в наст. т., с. 700). Созданный здесь образ В. А. Кокорева, дельца-миллионера новой формации, изображающего себя поборником гласности и гуманного отношения к народу, обладал большой силой сатирического обобщения, предвосхищая соответствующие типы Салтыкова-Щедрина и Горького. Статья Добролюбова, возможно, послужила одним из источников стихотворения Некрасова «Железная дорога» (1865).

Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию

Фельетон «Юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию» с включенным в него циклом пародий представляет собой своего рода сатирический обзор чуть ли не всего того, что осуждал и осмеивал Добролюбов в современной ему поэзии: от «чистого искусства» и казенно-патриотической риторики до либеральных филиппик и lamentаций. Воспользовавшись для этого новой маской – неустоявшегося «юного дарования», то и дело меняющего характер и направление своего творчества, Добролюбов достигает двойной цели: осмеивает «принципиальную» неустойчивость либерального умонастроения и в то же время предлагает нечто вроде пародийной истории русской поэзии 1850-х годов.

№ 6

Совр., 1860, № 12. Материалы для этого номера «Свистка» были написаны Добролюбовым, когда он лечился за границей (см. вступительную статью), и целиком посвящены тому, что происходило тогда в Западной Европе, главным образом в Италии, где весной – осенью 1860 г. развертывались решающие события антифеодальной революции: высадка

тысячи волонтеров под командованием Дж. Гарибальди на о. Сицилия, входившем в состав Неаполитанского королевства (Королевства Обеих Сицилий) – оплота феодальной реакции на Апеннинском полуострове; взятие ими г. Палермо; отчаянная попытка короля Франциска (Франческо) II спасти положение «дарованием» конституции; поход гарибальдийцев на Неаполь и его падение; наконец, присоединение Неаполитанского королевства к конституционному Сардинскому королевству (Пьемонту), фактически означавшее объединение Италии (кроме Папской области и Венеции) под эгидой либерально-буржуазной монархии короля Виктора Эммануила II. Этим событиям, волновавшим весь европейский мир, детонировавшим революционные процессы в разных странах, Добролюбов посвятил ряд статей: «Непостижимая странность», «Из Турина», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», «Отец Александр Гавацци и его проповеди». Все они, как и памфлет «Два графа» и «Письмо благонамеренного француза о необходимости посылки французских войск в Рим и далее для восстановления

ния порядка в Италии», предназначавшиеся для данного номера «Свистка», но задержанные цензурой, имели для Добролюбова двойной смысл: давая конкретное и точное изложение итальянских событий с последовательных революционно-демократических позиций, они вместе с тем написаны были так, что заключали в себе легко воспринимаемую проекцию на Россию; неаполитанские Бурбоны оказывались как бы цензурным обозначением Романовых, а революция в Италии – своего рода моделью, позволявшей обсуждать, как может при соответствующих условиях развиваться революционная ситуация на родине.

Письмо благонамеренного француза...

Предназначалось для № 6 «Свистка» (*Совр.*, 1860, № 12), но было задержано цензурой, опубликовано в изд. 1862 г.

«Письмо...» – яркий образец культивировавшегося в «Свистке» жанра памфлета-саморазоблачения, где острое сатиры направлено на те общественные силы, которые говорят устами «автора» – персонажа. Таков, напри-

мер, позднейший «Проект: о введении единомыслия в России» (Свисток, № 9) Козьмы Пруткова, а из сочинений самого Добролюбова стихотворения «австрийского» поэта Якова Хама, идейно весьма близкого своему французскому собрату: как тот, так и другой исповедуют антинародную, антидемократическую идеологию монархизма, охранительства и великодержавного шовинизма. Разоблачая реакционную политику Наполеона III в итальянском вопросе, Добролюбов вместе с тем почти каждой фразой бьет и в русский царизм, с его неизжитыми претензиями на восстановление прежней роли жандарма Европы, и в шовинистическую воинственность отечественных консервативно-охранительных кругов, в свойственный им культ силы, пренебрежение ко всякому, в том числе и международному, праву. Основу для подобного использования французского материала создавало не только сходство отношения Александра II и Наполеона III к итальянской революции, но и то более общее обстоятельство, что, как писал в 1860 г. официальный французский журналист, обе страны «осуще-

ствили идеал монархии» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 114).

Из цикла «Неаполитанские стихотворения»

Предметом сатирического осмеяния в этом цикле пародий является беспринципность либерально-консервативного сознания, в зависимости от обстоятельств колеблющегося то в сторону монархического охранительства, то – официально-прогрессистской риторики.

№ 8

Совр., 1862, № 1. Этот номер «Свистка» вышел уже после смерти Добролюбова.

«Свисток» Ad sb ipsum

Стихотворение представляет собой не просто ретроспективный обзор, но и своего рода обобщение предыдущих выступлений «Свистка», указание на их внутреннее единство, верность избранному направлению, несмотря на цензурный «мороз». Последние строки стихотворения – редкое в «Свистке» и у Добролюбова вообще, но тем более весомое признание в испытываемой «боли», обнаружение трагизма той неравной борьбы, которую вели Добролюбов и его товарищи по журналу против

самодержавно-полицейского государства.

Сноски

1

На войне как на войне (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

2

Боже, избави нас от неистовства норманов!.. (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

3

Это место в русском переводе вышло несколько грубо; но смеем уверить, что в подлиннике оно исполнено тончайшей грации и самой благоуханной прелести, так что нимало не представляется оскорбительным. – *Прим. ред. «Свистка».*

[^^^]

4

«Старые партии» (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

5

«Партия будущего» (*фр.*) – *Ред.*

[^^^]

6

Передовые статьи в парижских газетах (*фр.*) –
Ред.

[^^^]

7

Предостережению (*фр.* avortissement). – *Ред.*

[^^^]

8

Общественной безопасности (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

9

1) Великий герцог Тосканский, 2) герцог Моденский и 3) герцогиня Пармская!

[^^^]

10

Заглавие заимствовано у Горация{160}; означает – «Свисток» к самому себе. (*Прим. ред.* «Свистка».)

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Реминисценция из поэмы Пушкина «Кавказский пленник»: «В степи взвивался прах летучий...»

[^^^]

2

Псевдонимом «Байборода» пользовались М. Н. Катков, П. М. Леонтьев и Ф. М. Дмитриев, в 1856–1858 гг. печатавшие в «Русском вестнике» полемические «Изобличительные письма» в либеральном духе. Иронически использовала реминисценция из стихотворения Пушкина «Аквилон» («Но ты поднялся, ты выиграл... И дуб низвергнул величавый»).

[^^^]

3

См. примеч. 6 и 8 к статье «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (наст. т., с. 678–679).

[^^^]

4

Этой сатирической маской Добролюбов воспользовался впервые еще до появления «Свистка», в критическом фельетоне «Стихотворения Михаила Розенгейма» (*Совр.* 1859, № 11; см. т. 1 наст. изд.; о происхождении псевдонима см. примеч. к этой статье – там же, с. 849).

[^^^]

Пародия на мелкотравчатую «обличительную литературу» конца 1850-х гг., назойливо варьирувавшую одни и те же мотивы. Заглавие повторяет (возможно, сознательно) название пародии К. К. Павловой (*Совр.* 1850, № 8). В «посвящении» перечислены герои «обличительных» пьес, критиковавшихся Добролюбовым: «Чиновник» (1850) В. Л. Соллогуба, «Свет не без добрых людей» (1857) и «Предубеждение» (1858) Н. М. Львова, «Надежда на будущее» (1859) Л. Пивоварова.

[^^^]

6

Е. И. Фидберг исполняла главную партию в балете Ч. Пуньи «Катарина, дочь разбойника» (Большой театр в Петербурге, сезон 1857/58 г.), поставленном балетмейстером Ж. Перро.

[^^^]

7

Впервые – Искра, 1859, № 8. Восстановлено по рукописи в составе цикла «Мотивы современной поэзии» в изд. 1862 г.

[^^^]

8

Благовещенский (затем Николаевский, ныне Лейтенанта Шмидта) мост – единственный в то время постоянный (не наплавной) мост через Неву; связывал левобережную часть Петербурга с Васильевским островом.

[^^^]

9

В 1853 г. правительством была установлена такса для легковых извозчиков в Петербурге.

[^^^]

Указания на Англию как на образец законности с легко подразумеваемым ее противопоставлением российскому самодержавно-бюрократическому и помещичьему произволу – один на излюбленных мотивов либеральной публицистики конца 1850-х гг., особенно характерный для журнала М. Н. Каткова «Русский вестник».

[^^^]

Постоянная формула Добролюбова, пародировавшая фразеологию либерального оптимизма «эпохи великих реформ». Впервые употреблена критиком в рецензии на пьесы «Уголовное дело» и «Бедный чиновник» К. С. Дьяконова (см. наст. изд., т. 1, с. 749). Чернышевский, выписав в статье «Капитал и труд» (*Совр.*, 1860, № 1) в качестве примера зачин книги И. Горлова «Начала политической экономии» (т. 1, СПб., 1859): «В настоящее время в

России поднято много важных вопросов...», – отмечал, что «этими самыми словами начинает нынче решительно каждый, что бы ни начинал писать...» (Чернышевский, VII, 6, 8).

[^^^]

12

Шествует весна, берега расторгают лед – измененные строки из стихотворений «Весна! Выставляется первая рама...» (1858) А. Н. Майкова и «Весенние мысли» (1848) А. А. Фета. *Еще в полях белеет снег* – первая строка стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенние воды» (1830).

[^^^]

Так, В. П. Боткин в статье «Стихотворения А. А. Фета» (*Совр.*, 1857, № 1) писал: «В лирическом стихотворении, если оно имеет предметом изображение природы, главное заключается не в самой картине природы, а в том поэтическом ощущении, которое пробуждено в нас природою, так что здесь природа является только поводом, средством для выражения поэтического ощущения» (Боткин В. П. *Литературная критика. Публицистика. Письма*. М., 1984, с. 219).

[^^^]

14

Осмеяние как официально-патриотической, так и либеральной гражданственности – постоянный мотив критики Добролюбова – содержится, в частности, и в его рецензиях на сочинения названных поэтов: «Новые стихотворения В. Бенедиктова» (1858), «Стихотворения Михаила Розенгейма» (1858; см. наст. изд., т. 1).

[^^^]

15

Как и во многих других выступлениях Добролюбова, в том числе в «Свистке», здесь высмеиваются образчики либеральной риторики по поводу «благодетельных перемен», принесенных новым царствованием.

[^^^]

См. примеч. 6 к предыдущему выпуску «Мотивов...» (с. 776).

[^^^]

Как указал позднее сам Добролюбов (Свисток, № 4, Предупреждение), стихотворение является пародией на стихотворение А. Н. Майкова «Нива», о котором критик писал (в рецензии на «Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей», где оно было напечатано): «Неужели не вредно для развития эстетического вкуса чтение плохо сделанного, дидактического стихотворения г. Майкова «Нива»? Взгляд на работы крестьян на ниве пробуждает в авторе мысль о том, чтобы созрела у нас жатва просвещения... И это поэзия!..» (IV, 355). Ранее, в 1858 г. это, как и ряд других стихотворений Майкова, пародировалось Добролюбовым в стихотворении «Жизнь мировую понять я старался» (VII,

[^^^]

18

Ирония Добролюбова относится к кратковременному успеху поверхностной «обличительной литературы», хлынувшей на страницы русской печати вслед за «Губернскими очерками» (1856–1857) М. Е. Салтыкова-Щедрина (об отношении к ним критика см. в примеч. к его статье «Губернские очерки» – наст. изд., т. 1).

[^^^]

Отношение Добролюбова к этому вопросу и к полемике вокруг него выражено в статьях «Литературные мелочи прошлого года» (вторая часть которой, где об этом шла речь, печаталась в том же номере «Современника») и «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами».

[^^^]

Так, в обширной статье «Об образовании евреев» Е. Карнович высказывался за то, чтобы «сделать просвещение общим достоянием без родовых различий», а также за «предоставление... евреям, кончившим курс в средних учебных заведениях, хотя некоторых служебных прав» (Русский педагогический вестник, 1857, т. 2, с. 30), имея в виду право поступления на государственную службу. Годом позже в «Современнике» тот же Карнович писал: «Мы твердо верим, что при разумном пони-

мании прав каждого человека... личность еврея займет непременно среди гражданских обществ ту ступень, которая назначена каждому разумному существу...» (1858, № 6, с. 256). В том же 1858 г. Иван Кретович в заметке «Кое-что о евреях» предлагал «дозволить... евреям свободное переселение в пространстве всей России и дать им право свободной торговли наравне с русским купечеством», хотя и оговаривался, что о гражданских же их правах пока говорить неуместно» (Экономический указатель, 1858, № 103, вып. 51, с. 1183, 1184).

[^^^]

21

С 1857 г. началась работа Главного комитета по крестьянскому делу – подготовка к отмене крепостного права.

[^^^]

22

В «Литературных мелочах прошлого года», затрагивая этот вопрос, Добролюбов ссылаясь на статью Л. Панкратьева (Н. Г. Чернышевского) «Откупная система» (*Совр*, 1858, № 10), где отмечалось, что «с половины нынешнего лета» откупа подверглись «тому же самому эпидемическому нападению, как взятки» (Чернышевский, V, 318–319). Такое единодушие Добролюбов объяснял тем, что самим правительством «в начале прошлого год» уже решено было падение нынешней откупной системы» (Наст. изд., т. 2, с. 91).

[^^^]

С. С. Громека поместил в «Русском вестнике» (1857, июнь, кн. 1; 1858, май, кн. 1; июль, кн. 1; октябрь, кн. 2; 1859, апрель, кн. 2) цикл темпераметно написанных статей о полиции, выдержанных в либерально-критическом духе.

[^^^]

В фельетоне «Русские в доблестях своих» (Свисток, № 1) было перепечатано как не нуждающееся в комментариях объявление Н. А. Вышнеградского, где, в частности, говорилось: «Начальник училищ для приходящих девиц в Санкт-Петербурге, безуспешно испытал неоднократные устные убеждения относительно бесполезности и незаконности разного рода приношений, которые делаются просителями мест при училищах, родителями и попечителями детей как начальнику училищ, так и лицам женского пола, при них состоящим, прибегает, наконец, к печатному объявлению

покорнейшей своей просьбы – ни в каком случае и ни под каким видом не обращаться ни к начальнику, ни к надзирательницам ни с какими вещественными знаками так называемой благодарности» (*СПб Вед*, 1858, № 281, 23 декабря). В условиях широкого похода против взяточничества, развернутого официальной и либеральной прессой, подобная демонстрация бескорыстия приобрела оттенок саморекламы. В качестве профессора педагогики Главного педагогического института Вышнеградский снискал активную неприязнь Добролюбова-студента. Негативные отзывы о нем и об издаваемом им журнале «Русский педагогический вестник» неоднократно встречаются в дневнике, письмах и статьях Добролюбова.

[^^^]

25

См. фельетон «Письмо из провинции» в том же номере «Свистка».

[^^^]

26

Одна из типичных формул тогдашнего либерального оптимизма. Например, первый номер «Русской беседы» за 1858 г. открывался стихотворением И. С. Аксакова «На 1858 год», где были такие строки:

*С сонных вежд стряхнув дремоту,
Бодрой свежести полна.
Вышла с богом на работу
Пробужденная страна.*

Почти в тех же выражениях славил «пробуждение» М. П. Розенгейм:

*Благотворной теплотою
Обогретая страна
Встрепенулась от застоя,
Пробудилась от сна.*

(«Весна» – в его сб. «Стихотворе-

[^^^]

27

Французский экономист первой четверти XIX в. Ж.-Б. Сей (Сай) представлял буржуазное общество как гармоническое взаимодействие труда, капитала и природы, отрицал неизбежность экономических кризисов и эксплуатации рабочих при капитализме, выступал за свободу торговли, чем и было обусловлено возрождение интереса к нему в предреформенной России, когда и экономической науке сложилось сильное буржуазно-либеральное направление (И. К. Бабст, В. П. Безобразов, И. В. Вернадский), представители которого не раз критиковались Добролюбовым (напр., в рецензии на «От Москвы до Лейпцига» И. Бабста – наст. изд., т. 2) и Чернышевским за идеализацию буржуазного прогресса. Главный труд Сея дважды (под разными заглавиями) издавался к этому времени в России: «Начальные основания политической экономии»

(СПб., 1828) и «Катехизис политической экономики» (СПб., 1833).

[^^^]

28

«Атеней» – еженедельный (в 1859 г. – двухнедельный) «журнал критики, современной истории и литературы»; издавался: в Москве в 1858–1859 гг. под редакцией Е. Ф. Корша. Хотя в журнале была помещена статья Чернышевского «Русский человек на rendezvous» (1858, № 5), в целом он носил умеренно-либеральный характер, порой, например в статье Е. Корша «Взгляд на задачи современной критики» (1858, № 1), отдавал дань теории «чистого искусства». Критическое отношение Добролюбова к «Атенею» выразилось, в частности, в фельетоне «Атенейные стихотворения» (Искра, 1859, № 6, 6 февраля).

[^^^]

См. рецензию Добролюбова на «Предубеждение» Н. М. Львова (наст. изд., т. 1). Отрицательными были и отзывы И. И. Панаева в связи с постановками комедий Львова на сцене (см.: *Совр.*, 1857, № 12, с. 269; 1858, № 6, с. 222).

[^^^]

Нажившийся на откупах крупный промышленник В. А. Кокорев с 50-х гг. выступавший как либеральный публицист, неоднократно подвергался сатирической критике в «Свистке» (см. памфлет «Опыт отучения людей от пищи»).

[^^^]

В полемике со статьями проф. И. В. Вернадского, помещенными в издаваемом им журнале «Экономический указатель» (1857, № 22, 25, 27, 29), Чернышевский (*Совр.* 1857, № 9, 11; 1858, № 3) критиковал разделяемый автором тезис буржуазной политэкономии о преимуществе частной собственности на землю перед общинным землевладением. Острой критике подвергались в «Современнике» и некоторые другие буржуазно-апологетические выступления И. В. Вернадского.

[^^^]

В «Письме к издателю А. И. Кошелеву» (*РБ*, 1856, т. 3) и последующих статьях (*ОЗ*, 1857, № 2; *СПб Вед*, 1857, № 245, 10 ноября) В. И. Даль высказывал сомнение в пользе и своевременности грамотности для крестьян. Статьи эти вызвали многочисленные полемические отклики, в том числе в «Современнике»: Карнович Е. П. Нужно ли распространять грамотность в русском народе? (1857, № 10); его же: Ответ г. Далю на заметку «О грамотности»... (1857, № 12). Отклики Добролюбова на эту дискуссию – в «Современном обозрении» (*Совр.*, 1858, № 1), где дана библиографическая справка об основных выступлениях по данному вопросу, а затем в статье «Литературные мелочи прошлого года», где критик иронизирует над либеральной публицистикой, упивающейся «повторением новой, с таким трудом, с бою взятой истины, что от образования крестьян нельзя ждать большого вреда» (наст. изд., т. 2, с. 108).

См. примеч. 2. «Вопрос о телесном наказании... решился как-то странно. <...> Дело шло ни больше ни меньше, как о том, кому сечь – помещику или сельскому управлению» («Литературные мелочи прошлого года» – наст. изд., т. 2. с. 108). Такое предложение высказывал, в частности, К. Л. Роцаковский (Журнал землевладельцев, 1858, № б, с. 53).

[^^^]

В «Письме из провинции» (Свисток, № 1) Добролюбов критически отнесся к протестам большой группы литераторов (*РВ*, 1858, № 21, 22; *СПб Вед*, 1858, № 258, 25 ноября), подписанным, наряду с видными деятелями культуры (П. В. Анненковым, К. Д. Кавелиным, Н. И. Костомаровым, Л. И. Майковым, М. П. Погодиным, И. С. Тургеневым, Н. Г. Чернышевским, Т. Г. Шевченко, М. С. Щепкиным и др.), многими малоизвестными лицами, в том числе В.

и Е. Милеантами. Суть дела состояла в следующем. В редактировавшемся В. Р. Зотовым еженедельнике «Иллюстрация» (1858, № 35, 4 сентября), под рубрикой «Дневник знакомого человека» (как установлено Б. Ф. Егоровым, ее вел П. М. Шпилевский – см.: Ученые записки Тартуского университета, № 78, 1959, с. 120), появилась статья «Западно-русские жидаы и их современное положение (Ответ «Русскому инвалиду»)». С протестом против яро-антисемитского характера статьи выступили: Чацкий И. А. «Иллюстрация» и вопрос о расширении гражданских прав евреев (*РВ*, 1858, № 18); Горвиц М. Русские евреи. По поводу статьи о них в «Иллюстрации» (Атеней, 1858, № 42). В ответ «Иллюстрации» в статье (по-видимому, В. Р. Зотова) «Русский вестник» и вопрос о приличном тоне в журнальных отзывах» (1858, № 42, 23 октября) пыталась защищать свою линию, продолжала ее в «Западно-русских очерках» того же Шпилевского (№ 43, 44, 46, 49), а в очередных выпусках «Дневника знакомого человека», повторяя, в усиленном виде, юдофобские выпады, объявила И. А. Чацкина и М. И. Горвица «агентами знамени-

того жида N, который не жалеет золота для славы своего имени» (1858, № 43, 30 октября; см. также № 44, 6 ноября). Вышеупомянутые коллективные протесты осуждали это заявление как клеветническое и превращающее печать «из органа мысли и гласности» в «презренное орудие личных оскорблений» (*СПб Вед*, № 258). Перед лицом всеобщего осуждения В. Р. Зотову пришлось лавировать и оправдываться: см. его «Письмо к редактору «Московских ведомостей» (Иллюстрация, 1858, № 47, 27 ноября), «Ответ на литературный протест» (*СПб Вед*, 1858, № 262, 29 ноября) и «Последнее слово «Русскому вестнику» о евреях» (Иллюстрация, 1858, № 49, 11 декабря). Особая позиция Добролюбова в данном вопросе определялась, во-первых, тем, что, разделяя возмущение поведением «Иллюстрации», он, однако, полагал, что «неловко и со-вестно» с азартом рассуждать «о негуманности людоедства или о нечестности клеветы. Одно из двух: или сам рассуждающий находится еще на такой степени нравственного развития, которая допускает возможность рассуждений и споров о подобных предметах,

или он вас считает так мало развитыми, что полагает нужным внушить вам истинные понятия о людоедстве и клевете» (VII, 326). Во-вторых, его, неуклонно проводившего идею четкого политического размежевания даже внутри оппозиционного лагеря, не могло не отвращать «общее дело», базирующееся на понятиях, в принятии которых «сходятся люди всех партий и направлений: г. Кавелин с... С. Шевыревым... г. Чернышевский с Ф. Булгариным... и пр. и пр.» (VII, 333).

[^^^]

«Обличительные» мотивы ряда произведений М. П. Розенгейма и Е. П. Ростопчиной давали повод многим читателям видеть в них акты гражданской смелости. В критическом фельетоне «Стихотворения Михаила Розенгейма» (наст. изд., т. 1) Добролюбов показал сугубо «благонамеренный» смысл подобного обличительства, произрастающего «под сенью могучего трона». Салонный, светский характер творчества Ростопчиной подчеркивался в рецензиях Чернышевского на два тома ее «Стихотворений» (*Совр.*, 1856, № 3, 10) и Добролюбова на ее роман «У пристани» (*Совр.*, 1857, № 10).

[^^^]

36

Перефразировка стиха «Дух отрицанья, дух сомненья» из стихотворения Пушкина «Ангел» (1827).

[^^^]

37

Неточная цитата из стихотворения Г. Гейне «Фрагментарность вселенной мне что-то не нравится» (из цикла «Опять на родине», 1826).

[^^^]

38

Юлия Пастрана – «бородатая женщина», мексиканка, гастролировавшая в России в 1850-х гг.

[^^^]

39

Персонажи «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Порфирий Петрович», «Второй рассказ подьячего»).

[^^^]

40

Выдержка из газеты «Русский дневник» (1859, № 22, 28 января) приведена с незначительными изменениями.

[^^^]

41

Алексей Жемчужников. Еще придирка (*МВед*, 1859, № 1, 1 января).

[^^^]

42

Вольно процитированные строки из басни «Волки и овцы» (1833).

[^^^]

43

«Письмо к редактору» за подписью «Русский» и упомянутый ответ на него были помещены в «Московских ведомостях» 17 января 1859 г. (№ 15). Итог описанной истории подводила редакционная «Заметка» (*МВед*, 1859, № 24, 28 января), извещавшая, что «данная сему делу гласность если не могла изменить законной развязки, то по крайней мере облегчила участь женщины. Мы слышали, что перед выходом из Москвы она получила от разных лиц 103 руб. на дорогу и полушубки для своих детей» (с. 184).

[^^^]

44

...помести их в свою литературу... – слова из письма Хлестакова Тряпичкину («Ревизор» Н. В. Гоголя, д. 5, явл. VIII).

[^^^]

45

Эраст – герой повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792).

[^^^]

46

В «Проекте протеста против «Московских ведомостей», следовавшем в № 1 «Свистка» за первым «Письмом из провинции» «Д. Свиристелева» (о содержании письма см. выше примеч. 17 к стихотворению «Наш демон»), оно было названо «дерзким и нимало не остроумным». Оба фельетона принадлежали Добролюбову.

[^^^]

47

Ставшее крылатым выражение из начальной русской летописи (см.: Повесть временных лет. М. – Л., 1950. ч. I, с. 18).

[^^^]

48

См. выше стихотворение «Наш демон» (Свисток, № 2).

[^^^]

49

В этом же номере «Свистка» Добролюбов поместил свой фельетон «Материалы для нового сборника «Образцовых сочинений» (По поводу статей о «Сельском хозяине»)» (см.: VII, 375–388), раскрывающий скандальные махинации директора акционерного общества «Сельский хозяин».

[^^^]

Митрополит московский Филарет написал стихотворное возражение («Не напрасно, не случайно...») на стихотворение Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), а не на его «Демона». Ответом Пушкина было стихотворение «В часы забав иль праздной скуки...» (1830), перепевом которого является «Мое обращение» Добролюбова.

[^^^]

«...В порядочных журналах Западной Европы решительно не принято иметь балаганные отделы...» – выговаривал «Современнику» автор упомянутого письма к редактору «Московских ведомостей». О журналах, которые «при большом театре ставят особые балаганчики для освистывания первых опытов свободного слова литературы», говорилось в вышеназванной статье Герцена.

[^^^]

52

Алексей Жемчужников. Еще придирика (*МВед*, 1859, № 1, 1 января).

[^^^]

53

Война Пьемонта (Сардинского королевства) и Франции против Австрии (апрель – июль 1859 г.) закончилась сначала Виллафранкским перемирием, а затем Цюрихским договором (10 ноября 1859 г.), по которому Австрия отдавала Пьемонту Ломбардию (область в Северной Италии).

[^^^]

Возможно, намек на то, что сборник «Стихотворения» М. П. Розенгейма (СПб., 1858) вышел с большим количеством цензурных купюр.

[^^^]

Г. Р. Державин упомянут здесь как автор торжественно-хвалебных од батального содержания («Осень во время осады Очакова», «На взятие Измаила», «На победы в Италии» и пр.); А. Н. Майков – военно-патриотических стихов периода Крымской войны («Памяти Державина» и др.), порой с панегириками Николаю I («Послание в лагерь», «Коляска»); см. об этом в рецензии Добролюбова «Стихотворения И. Никитина» (в наст. томе). Те же официально-патриотические и монархические мотивы критик с насмешкой отмечал в стихотворении «Встречный голос» (1856) В. Г. Бенедиктова (см. рецензию на его «Новые сти-

хотворения» – II, 185–199), в ряде стихов М. П. Розенгейма (см. рецензию на его «Стихотворения» в т. 1 наст. изд.).

[^^^]

56

То есть со времени основания Священного союза (1815), когда Австрия установила свой контроль над большей частью Италии, став опорой феодально-монархической реакции на Апеннинском полуострове. В частности, с помощью австрийских войск была подавлена Неаполитанская революция 1820–1821 гг.

[^^^]

57

Комическая перефразировка реплики Димитрия из трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (1771): «Злодейская душа спокойна быть не может».

[^^^]

58

С. В. Максимов, исследовавший по поручению Морского министерства берег Белого моря и Ледовитого океана, выпустил книгу очерков «Год на севере» (т. 1–2, СПб., 1859).

[^^^]

59

Острое обсуждение деятельности «Русского общества пароходства и торговли» состоялось 13 декабря 1859 г. в зале петербургского Пассажа (см. фельетон Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности» – наст. изд., т. 2).

[^^^]

60

Начало оды Державина «О удовольствии» (1798). У Державина – «буйна чернь».

[^^^]

61

Стих взят Добролюбовым из его стихотворения «Памяти отца» (1854), остававшегося неопубликованным.

[^^^]

62

Реминисценции из произведений Пушкина: из поэмы «Цыганы» («Взгляни: под отдаленным сводом...») и стихотворения «Погасло дневное светило...» (1820).

[^^^]

63

Имам Шамиль, предводитель борьбы кавказских горцев против царских колонизаторов, 26 августа 1859 г. был взят в плен и сослан в Калугу.

[^^^]

64

Еженедельная газета «Наше время» начала выходить в 1860 г. в Москве под редакцией Н. Ф. Павлова; с его статьями в этой газете Добролюбов неоднократно полемизировал.

[^^^]

В стихотворении осмеиваются некоторые пункты «Правил о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа», изданных в июле 1859 г. попечителем округа Н. И. Пироговым (см. в наст. т. статью «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» и примечания к ней).

[^^^]

Повторив эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева – несколько измененную строку из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида» (т. II, кн. XVIII, стих 514), Добролюбов, вероятно, имел в виду подчеркнуть масштабность нового социального зла – капиталистической эксплуатации, сопоставимость его по жестокости с «чудищем» крепостничества. Об уважении, которое Добролюбов питал к Радищеву, можно судить по его рецензии «Сочинения Пушкина. Седьмой,

[^^^]

67

В этих немногих словах Добролюбов иронически резюмирует содержание довольно обширной статьи В. А. Кокорева «Вести с Волжско-Донской железной дороги, с самого места действий» (*РВ*, 1859, ноябрь, кн. 1, отдел «Современная летопись»), многие места из которой он ниже цитирует или пересказывает (источник цитаты в таких случаях, как правило, в примечаниях не оговаривается). В статью Кокорева вошла и «памятная записка», составленная им для приказчика, руководившего земляными работами.

[^^^]

Цитируется окончание отчета о собрании акционеров 12 декабря 1858 г., озаглавленного: «Общество Волжско-Донской железной дороги и пароходства» (*МВед*, 1859, № 3, 3 января, с. 18). В. А. Кокорев был одним из учредителей Общества (вместе с Н. А. Новосельским и П. П. Мельниковым) и председательствовал на собрании.

[^^^]

В качестве приложения к названному Добролюбовым номеру газеты за 26 ноября был напечатан «Обзор действий «Общества Волжско-Донской железной дороги и пароходства» (От правления Общества)». Расчет стоимости одной «нарицательной» (лошадиной) силы произведен Добролюбовым на основании приведенных здесь данных. Авторы «Обзора» всячески старались приукрасить положение рабочих на строительстве дороги.

[^^^]

70

Речь профессора-юриста Ф. Л. Морошкина «Об Уложении и последующем его развитии» (1839), произнесенная на торжественном акте в Московском университете 10 июня 1839 г., вошла в «Полную русскую хрестоматию» (ч. I, М., 1843) Л. Д. Галахова как образец ораторского искусства. Добролюбов высказывал ироническое отношение к славянофильской ориентации и «дифирамбическому красноречию» Морошкина.

[^^^]

12 декабря 1858 г. М. П. Погодин произнес речь на собрании акционеров «Общества Волжско-Донской дороги», где, в частности, говорил, что готовность акционеров принести свои деньги «на одно честное слово» учредителей «доказывает, что у нас есть вера, доверие, кредит особого, высшего рода» и вообще в «русском народе есть много веры в разных ее видах – это его достоинство» (*МВед*, 1859, № 3, 3 января, с. 19). О многолетних дружеских связях М. П. Погодина с В. А. Кокоревым можно судить по материалам кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888–1910, т. 14.

[^^^]

72

См. примеч. 2 (№ 21 обозначена первая ноябрьская книжка *РВ*).

[^^^]

73

Эти сведения приведены в «Биржевой и акционерной хронике» (*СПб Вед*, 1860, № 95, 3 мая; подпись – Б. П.).

[^^^]

К концу 1860 г. акции Волжско-Донской дороги упали уже до 140 руб. ниже пари (Саратовские губернские ведомости, 1860, № 46, 12 ноября, с. 390).

[^^^]

Краткое изложение основных фактов истории строительства Волжско-Донской дороги, включенное в написанное С. Т. Славутинским «Внутреннее обозрение», заканчивалось вопросами: «Чем же кончат эти несчастные рабочие? Сколько их зароят на берегу Волги между Самарою и Царицыном?.. Что будет с теми, и стариками шестидесятилетними и с восемнадцатилетними париями, которые решились бежать? Дело, как видно, пошло административным порядком: их разыскивают посредством печатных объявлений – тут уже земская полиция вмешалась и, вероятно, их разыщут... Что же тогда будет?» (Совр., 1860,

[^^^]

76

Статья «Небывалое возмущение» была перепечатана в петербургской газете «Русский дневник» (1859, № 109, 26 мая) без заглавия, под рубрикой «Самарская губерния».

[^^^]

77

«Кавказ и Меркурий» – акционерное общество пароходства и торговли на Волге (образовано в 1858 г.; ранее, с 1849 г., – «Меркурий»).

[^^^]

78

Кокорев Вас. О Волжско-Донской железной дороге (*МВед*, 1859, №. 132, 5 июня).

[^^^]

79

Петербургский ресторатор.

[^^^]

80

Козлов Алекс. Кое-что о филантропических действиях В. А. Кокорева на Волжско-Донской дороге (*Северная пчела*, 1860, № 102, 9 мая).

[^^^]

81

Севастьянов Ф. Образ действий «Журнала для акционеров» (*СПб Вед*, 1860, № 53, 9 марта). В этой статье Н. А. Брылкин и председатель общества «Кавказ и Меркурий» Н. А. Новосельский (одновременно являвшийся одним из директоров «Общества Волжско-Донской дороги») обвинялись в нечестном ведении дел.

[^^^]

82

Альбицкий З. Два земляка, В. А. Кокорев и Гладин, на Волжско-Донской дороге (*Северная пчела*, 1860, № 50, 3 марта).

[^^^]

83

PВ, 1859, ноябрь, кн. 1, с. 49.

[^^^]

84

Там же.

[^^^]

85

Автоцитата из стихотворения «Безрассудные слезы» (Свисток, № 2; VII, 360).

[^^^]

«Очевидцы говорят, что пища им (рабочим – Е. Б.) выдается самая скудная; что работы тяжелы не по силам; что многие видели, как черви вываливаются из протухлой и вонючей говядины, которою кормят землекопов; что... Но зачем тревожить совесть подрядчика?» (Д. М<ордовцев>. Смесь. – Саратовские губернские ведомости, 1860, № 26, 27 июня, с. 147).

[^^^]

«Записки», «Царицынские записки», «Вести» – разные обозначения одной и той же статьи В. А. Кокорева «Вести с Волжско-Донской железной дороги...».

[^^^]

В «Местных заметках», которые в 1860 г. в «Саратовских губернских ведомостях» вел Д. Л. Мордовцев, положение на строительстве Волжско-Донской дороги и состояние ее акций были одной из постоянных тем (см., напр., Кг 6, 8, 13 за 6, 20 февраля и 26 марта). О массовом бегстве с этого строительства «Саратовские ведомости» сообщали в № 4 за 23 января 1860 г., с. 27.

[^^^]

Имеется в виду цикл статей Г. А. Матиля «Из Америки» (*РВ*, 1859–1860) и очерк немецкого биолога Ф. Кона «Роза» (*РВ*, 1860, апрель, кн. 1).

[^^^]

Из поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794). У Карамзина – «реки слезные» и «чародейство» (см.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стих. Л., 1966, с. 150).

[^^^]

91

Так оценил Случевского А. А. Григорьев в статье «Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности...» (Сын отечества, 1860, № 6, 7 февраля, с. 167).

[^^^]

92

В форме перепева стихотворения А. А. Фета «Шепот. Робкое дыханье...» (1850) Добролюбов пародирует эротические мотивы, характерные для некоторых поэтов 50-х гг.; ср. его рецензию на «Стихотворения Л. Мея» (наст. изд., т. 1).

[^^^]

В стихотворении осмеиваются излюбленные мотивы и словарь казенно-патриотической лирики, получившей особое распространение в начале Крымской войны. В первой строфе – реминисценция из стихотворения «Русь» (1851) И. С. Никитина («Это ты, моя Русь державная, Моя родина Православная»); см. в наст. т. рецензию на «Стихотворения Ивана Никитина» и примеч. к ней.

[^^^]

94

В числе возможных источников этой пародии – стихотворение А. Н. Апухтина «Песни» из цикла «Деревенские очерки» (*Совр.*, 1859, № 9).

[^^^]

95

Возможно, намек на стихотворение М. П. Розенгейма «Современная дума», цитируемое Добролюбовым в его рецензии-фельетоне «Стихотворения Михаила Розенгейма» (наст. изд., т. 1).

[^^^]

Одним из источников пародии, в которой Добролюбов использовал, сатирически переосмыслив, сюжетную ситуацию собственного стихотворения «Встреча» (1856; см. наст. т.), взяв из него с небольшими изменениями две строфы, является, возможно, и стихотворение Алексея Жемчужникова «Нищая» (РВ, 1857, январь, кн. 2).

[^^^]

Пародируется один из характерных мотивов поэзии 50-х гг. – элегические сетования и самобичевания лирического героя по поводу собственной слабости, усталости, разочарования. Стихотворение существует в двух вариантах, из которых один («Презрев людей и мир и помолившись богу...» – VII, 522–523) явно имеет своим источником несколько стихотворений А. Н. Плещеева, а другой («Рыцарь...») – цикл Н. А. Некрасова «Последние

элегии», вошедший в его сб. «Стихотворения» (СПб., 1856), а именно стихотворения «Душа мрачна, мечты мои унылы...» и «Я рано встал, недолги были сборы...», а также, возможно, стихотворение Алексея Жемчужникова «Возрождение» («Вступил я в жизнь, к борьбе готовый...» – *РВ*, 1859, ноябрь, кн. 2). Сходные мотивы встречались и у других поэтов.

[^^^]

98

«Юное дарование» ошиблось: *адыгейцы* — один из народов, населяющих не восточную, а западную часть Северного Кавказа. Военные действия там продолжались и после покорения Дагестана.

[^^^]

Самое имя «юного дарования» звучало как насмешка над «чистым искусством», к которому он причастен: сочетание «громкого» имени (у древних греков Аполлон – светоносный бог, покровитель искусств) с фамилией, происходящей от «поэтической», но мизерной капельки, рассчитано было на снижающий эффект. Едва ли случайным оказалось и совпадение имен «юного дарования» и Аполлона Майкова, который и как «чистый» лирик, и как автор официально-патриотических или либерально-оптимистических стихов не раз критиковался Добролюбовым.

[^^^]

Имя кардинала Д. Антонелли, руководившего внешней политикой правительства Папской области, было упомянуто в статье Добролюбова «Оговорка», открывавшей № 5 «Свистка».

[^^^]

Комментарием к этому месту «Письма» может служить, напр., следующая выдержка из передовой статьи газеты «Constitutionnel» 29 сентября 1860 г.: «Гарибальди не разбойник (un brigand), как его представляют религиозные газеты, но еще меньше он государственный человек, как утверждают революционные листки».

[^^^]

Кроме книги «Опыт истории цивилизации в России» (Париж, 1858), подвергнутой Добролюбовым уничтожающей критике в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (см. наст. изд., т. 1), на французском языке был опубликован еще ряд сочинений Н. А. Жеребцова, в том числе «Три вопроса момента» (Париж, 1857), «Об освобождении крепостных в России» (Париж, 1859). Из французских сочинений публициста-эмигранта И. Г. Головина, чьи выступления с воцарением Александра II утратили оппозиционный характер, «благонамеренный француз» мог иметь в виду, в частности, брошюры «История Александра I» (Лейпциг – Париж, 1859), «Русское самодержавие» (Лейпциг, 1860), «Польша и Россия» (Лейпциг, 1860) и др. Б. Н. Чичерин в 1858 г. поместил в газете «Nord» (Брюссель) статью о книге Жеребцова «Опыт истории цивилизации в России».

103

То есть от Великой французской революции, начавшейся штурмом тюрьмы Бастилии 14 июля 1789 г., до восстановления во Франции монархии в результате государственного переворота 2 декабря 1852 г. (в Люксембургском дворце с 1852 г. заседал послушный Наполеону III сенат).

[^^^]

104

После подавления революции 1848 г.

[^^^]

Возможно, Добролюбов имеет в виду, в частности, П.-Ж. Прудона, чьи взаимоотношения с режимом Второй империи давала повод обвинять его в бонапартизме. О колебаниях Прудона в отношении к Наполеону III говорили и некоторые его сочинения: брошюра «Государственный переворот как проявление социальной революции» (Париж, 1852), книга «О справедливости в революции и церкви» (Париж, 1858).

[^^^]

«L'Arai de la religion» («Друг религии», 1814–1862), «Le Monde, union catholique» («Католический мир», 1860–1866) – католические газеты; «Gazette de France» («Газета Франции», 1762–1914), «Constitutionnel» («Конституционалистская газета», 1815–1914), «Moniteur universel» («Всеобщий указатель», 1789–1901), «La Patrie» («Родина», основана в 1841 г.), «Le Pays» («Страна», основана в 1849 г.) – официозные и консервативные газеты; «Journal des Debats» («Газета дебатов», 1789–1944), «La Presse» («Пресса», основана в 1836 г.), «Siccle» («Век», 1836–1939), «L'Opinion nationale» («Национальное мнение», 1859–1879) – либеральные газеты разной степени оппозиционности к политике Наполеона III.

[^^^]

Добролюбов не вполне точно излагает последовательность событий. Из «Journal des Debats», где Л. Прево-Парадоль с 1857 г. писал передовые статьи (помесячно, чередуясь с Л. Аллури), он ушел в апреле 1860 г., написав январский и мартовский циклы статей, и был сменен Ж.-Ж. Вейссом. С апреля он в том же качестве выступал в газете «La Presse», которая 29 мая объявила, что на следующий день выйдет брошюра ее сотрудника Прево-Парадоля «Старые партии». В своей брошюре, высказываясь в пользу демократической многопартийности, он именовал правящую бонапартистскую партию «старым, как мир, альянсом демагогии и деспотизма» (с. 31; цит. по Guiral P. Prevost-Paradol (1829–1870), Paris, 1955, p. 246). За несколько дней из 5000 экземпляров брошюры было продано 4920. 22 июня 1860 г. автор был приговорен к 1 месяцу тюрьмы и 3000 франков штрафа, издатель – к 3000 франков штрафа, владелец типографии – к 500 франкам штрафа. По выходе из тюрьмы Прево-Парадоль в августе того же года вер-

нулся в «Journal des Debats», где выступал уже по разделу литературной критики.

[^^^]

108

Ближайшие по времени выборы в Законодательный корпус состоялись в июне 1857 г.

[^^^]

109

Путешествие Наполеона III и его жены императрицы Евгении на юг Франции, на Корсику и в Алжир продолжалось с 23 августа по 24 сентября 1860 г. Все газеты, в том числе и либеральные, ежедневно давали обширную информацию об этой поездке, перепечатывая из официальной «Moniteur universel» тексты приветственных речей, произнесенных в честь императорской четы мэрами посещаемых городов, председателями местных торгово-промышленных палат, католическими иерархами и т. п., а также самого Наполеона

В книге «Histoire des Girondins et des massacres de septembre» («История жирондистов и сентябрьских избиений», Париж, 1860), как и в других своих исторических работах («История классов знатных и незнатных», 1837–1840; «История Французской революции», 1850; «История Директории», 1851), Б.-А. Гранье де Кассаньяк описывал революционные события во Франции с консервативно-монархических позиций. Ответом на эту книгу явилась брошюра Ж. Гюаде «Protestation centre le livre intitule «Histoire des Girondins...» par m. A. Granier de Cassagnac, et Appreciation historique de ce livre et des massacres de seplembre, par J. Guadet», Paris, 1860 («Протест против книги под заглавием «История жирондистов...» г. А. Гранье де Кассаньяка и историческая оценка этой книги и сентябрьского избиения», Париж, 1860), которую и имеет в виду Добролюбов, и вышедшая позднее «Les

Girondins, leur vie privée, leur vie publique, leur proscription et leur mort» («Жирондисты, их личная и общественная жизнь, их осуждение и смерть». Париж, 1861), где автор пишет о судьбе своего деда М.-Э. Гюаде, одного из вождей Жиронды. В условиях частичной либерализации режима Второй империи (конец 1860 – начало 1861 г.) Л. Ламартин включил свой известный труд «История жирондистов» (1847) в новое полное собрание своих сочинений (1861–1863). Но не без влияния критики его в книге Гранье де Кассаньяка счел необходимым предпослать выходу томов 9–14 этого издания, куда вошла «История», том 15. Этот том содержал написанную Ламартином в октябре 1861 г. «Критику «Истории жирондистов»...», где пересматривал ряд положений своего труда, а его последнюю страницу, «написанную в одну из тех минут энтузиазма... когда паришь настолько высоко над землей, что перестаешь видеть мрачные подробности событий», предлагал читателям разорвать (см.: Ламартин А. История жирондистов, т. 4. СПб., 1906, с. 394).

Подобные определения были в тот момент нередки и в столичной ультраконсервативной и клерикальной прессе. А. Грангийо возмущался тем, что «некоторые газеты, именующие себя роялистскими», чтобы уязвить сардинского короля, «ищут ему оскорбления в словаре худших дней революции. Так, в «L'Ami de la religion» и в «La Gazette de France» мы находим следующие эпитеты его величеству королю Сардинии: король-капрал, король-гарибальдиец, коронованный разбойник» («Constitutionnel», 1860, 17 октября).

Французское правительство (как и русское) было недовольно сицилийским походом Гарибальди (май 1860 г.) и упрекало Пьемонт в соучастии. Но успехи Гарибальди заставили Наполеона III смириться, хотя после провозглашения Виктора Эммануила II неаполитанским королем (октябрь 1860 г.) Франция сочла нужным для соблюдения приличий отозвать из Турина своего посланника (оставив поверенного в делах и показав тем самым, что разрыв не носит серьезного характера).

[^^^]

Как и в статье «По поводу одной очень обыкновенной истории» (см. наст. изд., т. 1), сарказм Добролюбова обращен здесь не только на тех апологетов наполеоновской диктатуры, которых представляет «благонамеренный француз», но и на либералов, в свое время одоббивших комедию «всеобщего народного избрания» Луи Наполеона главой государства.

[^^^]

Ранее на жизнь Наполеона III было сделано три покушения со стороны итальянских патриотов: в 1855 (Пианори), 1857 (Тибальди) и 1858 гг. (Ф. Орсини). Возможно, в ответ на слух о новом покушении и с намерением дать благоприятное толкование тулонскому инциденту газета «Constitutioirmel» так излагала его (со ссылкой на местную прессу): когда императорская яхта поздним вечером 11 сентября 1860 г. покидала рейд Тулона, с прибрежной горы раздался «чудовищный залп» бомб и ракет, не предусмотренный муниципальной программой и испугавший присутствовавших (1860, 15 сентября).

[^^^]

115

Гарибальдиец полковник Поль Флотт (Флот, Дефлотт) был убит в конце августа – начале сентября 1860 г. в сражении близ Реджо (Калабрия).

[^^^]

116

Г. Гапеско, редактор оппозиционной газеты «*Courrier du dimanche*» («Воскресная почта»), основанной в 1857 г., подвергался преследованиям. Его изгнание из Франции за «необдуманную статью» вызвало волнение европейской печати. Обосновавшись во Франкфурте, издавал газету «Европа», запрещенную в 1807 г. По возвращении во Францию был редактором еще ряда изданий. «Закон об общественной безопасности», принятый Законодательным корпусом Франции в феврале 1858 г., после покушения Ф. Орсини, и предусматривавший суровые репрессии против политической оппозиции, просуществовал до конца

Второй империи.

[^^^]

117

В результате войны 1859 г. против Австрии, в которой Франция выступала союзницей Пьемонта, к последнему по Цюрихскому договору (10 ноября 1859 г.) была присоединена область Ломбардия; Венеция же временно осталась под австрийским владычеством.

[^^^]

118

См. ниже примеч. 8 к циклу «Неаполитанские стихотворения».

[^^^]

119

Французские войска находились в Риме, охраня светскую власть папы и препятствуя полному объединению Италии, свыше 20 лет (с июля 1849 по август 1870 г.).

[^^^]

120

В Анконе (Умбрия, входившая в папские владения) 18 сентября 1860 г. была осаждена и 28 сентября капитулировала часть папских войск, до этого разбитых войсками Пьемонта в сражении при Кастельфидардо.

[^^^]

121

В сентябре 1860 г. неаполитанский король Франциск II был вынужден бежать от войск Гарибальди в крепость Гаэту (Капуя), где в феврале 1861 г. капитулировал.

[^^^]

Области Марке (Мархия) и Умбрия, входившие в папские владения, 4 ноября 1860 г. присоединились к Пьемонту, после того как в сентябре в них вступили пьемонтские войска, вызвав раздражение консервативной французской прессы.

[^^^]

См. примеч. 8 к циклу «Неаполитанские стихотворения».

[^^^]

124

По Туринскому договору (24 марта 1860 г.) Франция получила от Пьемонта (за помощь в австро-итало-французской войне 1859 г.) области Савойю и Ниццу.

[^^^]

125

Имея в виду кризисное состояние французских финансов (ежегодный дефицит примерно в 100 млн. франков, огромный государственный долг, быстрый рост налогов), К. Маркс писал в начале 1800 г. о том, что «сама империя является огромным вампиром, бременем, которое растет быстрее, чем производительные силы французской нации» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 5).

[^^^]

Всеобщая воинская повинность, допускавшая, однако, заместительство и денежный выкуп. Существовала во Франции в 1800–1818 и в 1855–1872 гг.

[^^^]

Имеются в виду решения Венского (сентябрь 1814 – июнь 1815 г.) и Парижского (сентябрь 1815 г.) конгрессов европейских государств, принявших договоры, которые закрепляли восстановление «законных» феодально-монархических режимов после победы над Наполеоном I, и прежде всего монархии Бурбонов во Франции. На Парижском конгрессе было провозглашено создание Священного союза монархов Австрии, Пруссии и России – оплота победившей феодальной реакции. В том же году Франция присоединилась к Священному союзу, одним из активных организаторов которого был министр иностранных

дел Австрии князь К. Меттерних.

[^^^]

128

Эти слова были сказаны Луи Наполеоном в его речи в Бордо (осень 1852 г.). Речь шла о социальном мире, которого желала напуганная революцией буржуазия.

[^^^]

129

Имеется в виду активная роль Сардинского королевства и объединении Италии и «построение» освободительным походам Гарибальди со стороны короля Виктора Эммануила II, в чем его обвиняли правительства Франции и России.

[^^^]

Принцип нерушимости папского престола и сохранения светской власти папы римского противопоставляется здесь принципу невмешательства в итальянские дела, также провозглашавшемуся правительством Наполеона III. Реакционный, репрессивный режим, существовавший в Папской области, опирался на военную и дипломатическую помощь Второй империи.

[^^^]

131

Решениями Венского конгресса 1814–1815 гг. Австрии были не только возвращены территории, утраченные в ходе наполеоновских войн, но и переданы значительные области в Северной Италии. Приращения составили свыше 8 тысяч квадратных километров. Австрия получила решающую роль в раздробленном Германском союзе.

[^^^]

132

К началу 60-х годов феодально-абсолютистская Австрия оказалась в состоянии острого общего кризиса: потеря большей части итальянских владений, рост национально-освободительного движения в Венгрии и славянских землях, чехарда министерств, расстройство финансов. Все это заставило Габсбургов в конце 1860 – начале 1861 г. (одновременно с Наполеоном III) провести частичную либерализацию режима.

[^^^]

133

В личном письме папе Пию IX от 31 декабря 1859 г. Наполеон III советовал отказаться от легатств (областей, управлявшихся папскими легатами и вместе с Папской областью составлявшими владения папы римского), Пий IX с негодованием отверг этот совет. В апреле 1860 г. Наполеон III обращался к папе с предложением провести в папских владениях ряд необходимых реформ и снова получил отказ.

[^^^]

134

10 июня 1809 г. папа Пий VII опубликовал буллу, отлучавшую Наполеона I от церкви. Этому предшествовала оккупация Папской области французскими войсками, лишение папы светской власти и даже арест его самого (5–6 июня). Войну с папой Наполеон продолжал и в дальнейшем.

[^^^]

135

Подписью «Канард» («canard» по-французски «утка», как в прямом значении, так и в переносном – «газетная утка») Добролюбов подчеркивает аллюзионный и иронический характер «Письма».

[^^^]

136

Указанием на то, что стихи написаны на несуществующем австрийском языке, Добролюбов подчеркивал их аллюзионный характер.

[^^^]

137

Ироническое преувеличение Добролюбова относится к объявлениям об издании в Москве писательницей Евгенией Тур журнала «Русская речь» (1861–1862) и М. Н. Катковым еженедельника «Современная летопись» (1861–1862; ранее – публицистический отдел журнала «Русский вестник», в 1863–1871 гг. – воскресное приложение к газете «Московские ведомости»).

[^^^]

138

Реакционный феодально-абсолютистский режим короля Фердинанда II сохранился и при его сыне Франциске (Франческо) II, занявшем неаполитанский престол в мае 1859 г.

[^^^]

139

Имеется в виду четвертое стихотворение цикла – «Законная кара! (На бомбардирование Палермо)», в котором Яков Хам восторгается разрушительным обстрелом г. Палермо, занятого войсками Дж. Гарибальди, из цитадели Кастеллараме, где засели правительственные войска (28 мая и 3 июня 1860 г.).

[^^^]

«Чистая художественность», процветающая под сенью деспотического режима, и «эстетическая критика», поднимающая ее на щит в противовес социально заинтересованному, «утилитарному» искусству, – постоянные мишени насмешек Добролюбова.

[^^^]

В словаре Добролюбова слова *патриот*, *патриотический* обычно выступают как обозначения глубоко чуждого ему казенного патриотизма, проявления которого он неутомимо преследовал, относя к ним, наряду с гражданской лирикой А. С. Хомякова и стихами А. Н. Майкова периода Крымской войны, также некоторые стихотворения Пушкина (в частности «Клеветникам России»).

[^^^]

142

Ироническая реминисценция из «Слова о полку Игореве», где «четырьмя солнцами» автор именует князей – предводителей похода.

[^^^]

143

Антифеодальное и национально-освободительное (антиавстрийское) движение, развернувшееся в Тосканском, Пармском и Модонском герцогствах (апрель – июнь 1859 г.), заставило их правителей бежать в Вену. В августе – сентябре 1859 г. учредительные собрания этих герцогств и области Романья, входившей в папские владения, приняли решения о присоединении к Сардинскому королевству.

[^^^]

144

Во время восстаний в Тоскане, Парме, Модене и Папской области Франциск II соблюдал нейтралитет по отношению к попыткам Австрии подавить эти движения.

[^^^]

145

Генерал князь К. Филанджиери, с июня 1859 г. военный министр Неаполитанского королевства, в феврале 1860 г., при повороте Франциска II к более жесткому курсу, вышел в отставку.

[^^^]

Со своей монархически-охранительной и великодержавной позиции Яков Хам не видит разницы между двумя ведущими деятелями Рисорджименто – пьемонтским премьер-министром Кавуром и его политическим противником, революционером-республиканцем Дж. Мадзини. Если Мадзини Добролюбов явно симпатизировал, то Кавур для него – символ либерального соглашательства (см. статьи «Из Турина», «Два графа», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура»).

[^^^]

147

Л. Айосса занимал пост министра полиции Неаполитанского королевства с 28 сентября 1859 по 13 июня 1860 г.

[^^^]

148

Насмешливо и с намеком воспроизведенное заглавие стихотворения П. А. Вяземского на смерть Николая I и воцарение Александра II (1855 г.).

[^^^]

Франция и Россия старались склонить неаполитанское правительство к союзу с пьемонтским, чтобы таким способом предотвратить присоединение Королевства Обеих Сицилий к Пьемонту.

[^^^]

В этом случае пародийно не только содержание стихотворения, но и его форма, осмеивавшая прием, к которому нередко прибегала тогдашняя гражданская лирика, – плоский параллелизм явлений природы и общественной жизни (см. примеч. 5 к «Мотивам современной русской поэзии» – «Свисток», № 2; наст. т., с. 777).

[^^^]

151

О введении конституции в Королевстве Обеих Сицилий было объявлено 25 июня 1860 г.

[^^^]

152

Статья П. И. Вейнберга «Сухой туман (Pohengauch)» (Атеней, 1858, ч. V, сентябрь – октябрь), была иронически отмечена Добролюбовым в № 4 «Свистка» (VII, 395).

[^^^]

Юмористически обыгрываемый контраст двух обликов Москвы – цитадели барско-купеческой патриархальности и, одновременно, либерального прогрессизма, органами которого на рубеже 50-х и 60-х гг. выступали «Русский вестник» М. Н. Каткова и «Московские ведомости» В. Ф. Корша, – один из постоянных мотивов «Свистка» (см., напр., написанную Добролюбовым и Некрасовым «Дружескую переписку Москвы с Петербургом» – VII, 423–433).

[^^^]

154

См. примеч. 3 и 17 к стихотворению «Наш демон» (наст. т., с. 778 и 781–782).

[^^^]

155

См. об этом в наст. т. фельетон «Наука и Сви-стопляска, или Как аукнется, так и откликнется» и примеч. к нему.

[^^^]

«Вопрос о приемных экзаменах был в последнее время предметом спора в нашей литературе. <...> Разделяемая многими мысль о настоятельной необходимости усилить строгость вступительных испытаний вызвала некоторые новые предписания начальства. <...> Строгость экзамена... имела результатом малое число принятых в университет» (Любимов Н. А. Об университетских экзаменах. – *РВ*, 1859, декабрь, кн. 1, с. 539). «Свисток» участвовал в обсуждении этого вопроса комедией Некрасова «Забракованные» (в № 3).

[^^^]

В фельетоне Некрасова «Что подельывает наша внутренняя гласность?» («Свисток», № 6) как характерный образчик мелкотравчатой «гласности» рассматривалась обнародованная «Одесским вестником» история о мошеннике-адвокате, обиравшем неграмотную и доверчивую истицу и съевшем в порядке дополнительного вознаграждения шестнадцать ее гусей.

[^^^]

См. в наст. т. статью «Опыт отучения людей от пищи».

[^^^]

В цикле «Неаполитанских стихотворений» Якова Хама. *Благие уроки* Неаполю Яков Хам давал в стихотворении «Неаполю» (VII, 492–493), Гарибальди он *воспел* в послании «Победителю» (VII, 498–499), в чем вскоре раскаялся, *Франческо* (Франциска) II – во всех остальных стихотворениях цикла, включая помещенные в наст. т. «Надежды патриота», «Плач и утешение» и «Неисповедимость судеб».

[^^^]

Из оды 34, входящей в первую книгу од Горация, заимствовано не только заглавие (точнее – посвящение: «К самому себе»), но и идея поэтической ретроспекции: «...Ныне вспять направить Я принужден свой челнок и прежних Путей держаться» (Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970, с. 86; перевод А. Семенова-Тян-Шанского). Добролюбов переводил эту оду еще 14-летним мальчиком, в 1850 г.

[^^^]

[^^^]